

Глава 1

Когда тебе восемнадцать, мир кажется ярким, а жизнь — вечной.

Особенно если ты красив, а еще умен настолько, что собираешься поступать в лучший колледж страны. Ты мечтаешь вырваться из родного города, думаешь поселиться в столице, завести влиятельных друзей, — может, даже из числа аристократов. У тебя есть шанс на будущее, уважение и благополучие.

Повсюду возможности — только руку протяни.

Со мной так и было. Тогда я еще жил на Острове — в маленьком королевстве, не слишком богатом и от чудес материка — Большой Земли, как мы его называем, — отделенного морем. Мой мир ограничивался лишь этим Островом, ведь с Большой Землей мы тогда не торговали, у нас вообще никакого сообщения с ней не было, если не считать пиратов, время от времени опустошавших наши берега. Говорят, до Потопа наше королевство было могущественным и полным

чудес — люди даже по небу летали! Никакой магии, в нее у нас до сих пор не верят, все дело в науке — до Потопа она достигла небывалых высот. Но то было давно, о тех временах рассказывают только книги. Что-то нам удалось сохранить, что-то пришлось изобретать заново. До полетов нам далеко и теперь, вершина нашей науки сейчас — паровой двигатель.

Простолюдин из провинции, я в восемнадцать сумел получить стипендию на учебу в лучшем столичном колледже и готовился стать инженером. Я был счастлив, и будущее виделось мне в ярком свете.

Но перед самым моим отъездом на учебу в угольной шахте, где работал в это время мой отец, произошел страшный обвал, и отец погиб вместе со всей бригадой. Все мои надежды рухнули. Скопленных денег едва-едва хватило на похороны, а на аренду жилья и налоги — уже нет. А ведь наша семья не бездельничала: мать шила на заказ, мы с Тиной работали на фабрике. Но без зарплаты отца наших денег хватало только на еду.

Вдобавок Тину совсем замучили приступы кашля. Болела она уже давно, но горе совсем ее подкосило. Я все понял, когда увидел на ее платке кровь.

Лекарства от чахотки на нашем Острове дóроги. Врач в городской больнице, осмотрев сестру, сказал, что Тине осталось полгода или в лучшем случае год. Конечно, если она пройдет курс лечения в столице, то, быть может...

На Острове, когда тебе восемнадцать, ты красив и тебе срочно нужны большие деньги, единственный способ быстро и законно получить их — стать спутником богатой скучающей аристократки.

Пристойно это только на словах. У нас равные права у мужчин и женщин. Звучит это красиво, но на деле

означает, что моя сестра, вместо того чтобы поступить в художественную школу, вынуждена была устроиться на фабрику в тринадцать — вместе со мной. Уверен, заразилась она именно там.

Но это у бедняков. У аристократов иначе: богатая леди имеет свой доход, поэтому, если ей наскучил муж, а развод по каким-либо причинам нежелателен, она может купить себе какого пожелает юношу из бедных, который заменит ей супруга... в некотором роде.

Спрос на красивые лица в столице велик, я даже не представлял насколько, пока не попал сюда. Однако и здесь меня ждал успех. Полученного вознаграждения хватило на лекарства для сестры и пенсию для матери.

Больше я их не видел.

Быть спутником — это быть для своей госпожи всегда улыбчивым, обходительным, вежливым и исполнять любой ее каприз. На Острове рабство незаконно, если только ты не продаешь себя сам. А именно это я и сделал.

Теперь мир не казался мне ярким, а жизнь тянулась мучительно. Спутник работает до двадцати пяти, редко — до тридцати лет. Пока молодость не увянет, а красота не загрубеет. Потом у него лишь одна дорога — в бордель, где он протянет в лучшем случае год, а потом умрет от той же чахотки.

Спутник — это когда на тебя смотрят с презрением даже слуги. Когда вынужден делать вещи, которые стыдно даже представить. Когда ненавидишь все вокруг, а больше всего — себя.

Я не знал, вылечилась ли сестра, стала ли она художницей, как они живут с матерью. Предполагалось, что я забуду свою прошлую жизнь и не буду думать ни о чем, кроме работы. Впрочем, спутнику вообще

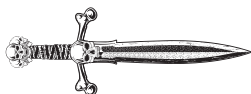

думать не следует. Ему нужно быть красивым и улыбаться.

К двадцати годам я научился очаровывать одним лишь взглядом... И чувствовал себя гнилым внутри, как будто я умер вместе с отцом и разлагаюсь, только снаружи этого не видно.

Я думал, так будет всегда, и не представлял, что что-то может измениться.

Я ошибался.

В середине зимы король тяжело заболел. Он был далеко не молод, хворал и раньше, но в этот раз легкая простуда превратилась в лихорадку, и ему не помогли ни врачи, ни дорогие лекарства.

Королевский двор приготовился к трауру.

А потом появилась она. Рассказывали, она пришла из ниоткуда и вылечила короля одним прикосновением.

А еще при дворе говорят, что призрак пропавшей королевской сестры в полночь требует камеристку, так стоит ли верить подобным слухам?

Однако, выздоровев, король назвал ее своей племянницей — то есть дочерью той самой пропавшей сестры. И даровал титул принцессы.

Принцесса Шериада.

Тогда я впервые о ней услышал. Сейчас, спустя столько лет, смешно вспоминать, но в тот момент я не придавал ее появлению значения. Каких только слухов о ней ни ходило! Якобы она новая фаворитка, которой удалось взлететь выше, чем другим королевским пассиям. Или шпионка с Большой Земли, шаманка,

целительница. Очарует короля — и нас всех ждет набег варваров из-за моря.

Никто не знал даже, как она выглядит.

Естественно, в высшем обществе только и разговоров было, что о ней.

— Откуда она взялась? — спросила как-то во время завтрака леди Лавиния, моя госпожа на тот момент.

Ее муж, граф Эштон, лишь хмыкнул в ответ, не отвлекаясь от газеты. Новоявленной принцессе посвятили целый разговор; о ней каждый день появлялось множество разных сплетен и домыслов.

Я подлил леди кофе, и она поймала мою руку и погладила. Не будь рядом мужа, дело бы этим не кончилось. Хотя... По утрам Лавиния не живет сонной мухи.

Но тогда муж был с нами, и он, конечно же, сделал вид, что ничего не заметил. У него самого имелась любовница — правда, из среднего класса, — и граф ездил к ней чуть ли не каждый вечер. Леди тоже закрывала на это глаза.

Свободные нравы высшего общества.

— И все-таки? — Лавиния поджала губы, отпустив мою руку.

Граф проворчал что-то неопределенное. Его больше волновали сводки фондовой биржи, а не очередная придворная сплетня.

— Уже ведь есть одна. Зачем им еще? — сказал он, когда Лавиния спросила в третий раз. Как любую даму, которая желала стать подругой королевы, а значит, получить влияние при дворе, этот вопрос очень ее волновал.

— Ах, ты не понимаешь! — отмахнулась графиня.

Их разговор за завтраком всегда сводился к одному: графиня пыталась обсудить последние сплетни, граф «не понимал», и беседа не клеилась. К обеду граф уез-

жал в Министерство финансов, а возвращался часто за полночь, задерживаясь после работы.

Впрочем, графиня без него не скучала.

Нас у нее было двое. То есть всего двое — удивительная прижимистость для женщины из высшего общества. Например, герцогиня Алден, первая модница двора, по слухам, держала целый гарем. «Никогда не выходи в свет дважды в одном платье и с одним мужчиной» был ее девиз. Сопровождавшие ее спутники действительно всегда были разными, как и платья.

Лавиния же утверждала, что привязчива и в ее сердце хватит места только мне и Раю.

— Король дает бал, — заметил граф, бросая газету.

Рай ее поднял и, зная, что на него не смотрят, закатил глаза. Ну да. Бал. Особенно королевский. Хуже только прием у той же герцогини Алден.

— Бал? — воодушевилась графиня. — Когда?

Рай протянул ей газету. Лавиния тут же уткнулась в нее: без очков она плохо видела.

— Через три дня! Господи, у меня же нет платья!

Рай снова закатил глаза. Ну да, сейчас графиня поспешит к портнихе и потащит нас за собой, как ручных собачек...

Граф подмигнул нам, уходя. Его, наверное, веселило, что кто-то, но не он, займется с его женой этими хлопотами.

Впрочем, когда наступил вечер бала, он уже не веселился. Графиня не могла отправиться во дворец одна: на такой-то прием — и явиться лишь со спутником? Ха. На этот раз графу не удалось отсидеться в своем кабинете и избежать выхода в свет. Страдали мы с ним, пожалуй, одинаково.

Балы королевская семья давала с размахом. Шампанское в фонтанах, фейерверк после заката, дорогие

подарки для гостей... А гостей всегда бывало много, кареты на подъездной дорожке едва не сталкивались.

Но в этот раз мне казалось, что весь Остров собрался в душной зале, слишком узкой и слишком маленькой для такого числа приглашенных. И они все прибывали. Людской поток, говорливый, черно-белый (другие цвета при дворе запрещены), проходил в распахнутые двери, немного задерживался у церемониймейстера, а после двигался дальше, к парадной лестнице.

Леди Лавиния настояла на том, чтобы приехать пораньше — даже неприлично рано для графини. И сейчас, обмахиваясь пышным веером, прела в своей парче, довольная как никогда.

— А я говорила! — повторяла она, глядя на прибывающих гостей. — Мы-то сможем пройти к королю в числе первых. Я говорила!

Ее супруг по привычке молчал. Рай за его спиной подмигнул мне, изображая флирт Лавинии. Я с трудом сдержал усмешку.

Граф и графиня представляли собой колоритную пару, и если бы мне до смерти не надоело их видеть, я бы, пожалуй, веселился, как и Рай.

В королевском театре на прошлой неделе большой успех имела комедия «Тонкий и толстая». Удивительно, как граф с графиней не узнали в ее персонажах себя. Графиня представляла собой идеальный шар, а когда наряжалась, становилась похожей на праздничный торт. Оборки, рюш, парча — все это выглядело так, словно мяч упаковали в яркую подарочную бумагу и завязали разноцветными лентами. Помню, когда увидел ее впервые, удивлялся: как только она ходит? Конечно, графиня предпочитала передвигаться в паланкине, но... Когда-то же она ходит? «О, и даже бе-

гает, — рассмеявшись, сказал мне тогда Рай. Он был с графиней дольше. — Но это что! Ты еще увидишь, как она танцует!»

Я увидел и оценил. Танцуя с графиней, нужно иметь железные ноги: отдавит и не заметит.

Граф, наоборот, был худ, если не сказать — тощ. Высокий, одетый в черное — отличительный цвет мужчин-аристократов, — он издали напоминал фонарный столб.

Все ожидали, когда откроют двери в тронный зал и пригласят на поклон к королевской семье, и высокородные дамы развлекали себя сплетнями во внешнем холле.

— Все-таки откуда она взялась? — снова поинтересовалась леди Лавиния.

— Может, и правда ведьма? — забрав фужер с подноса, предположила маркиза Тонии.

Такой слух тоже был — столь же глупый, как и про призрак королевской сестры. Графиня фыркнула:

— Стелла, зачем ты повторяешь за этими сплетниками всякую чушь? Расскажи еще, что она явилась во дворец на черной колеснице, запряженной гигантскими пауками, как в этой сказке... Забыла.

Маркиза пожала плечами:

— Почему бы и нет? Всякое в жизни случается.

Графиня вместо ответа захохотала, и все ее круглое, мягкое тело затряслось, точно пудинг на подносе.

Маркиза поджала губы. Забавно было смотреть, как эти двое терпеть друг друга не могут, но изображают искреннюю дружбу.

Лавиния держала маркизу подле себя лишь по одной причине: леди Стелла была еще уродливее. Ее род славился крупными, выдающимися чертами лица, особенно нижней челюстью. Странно, как маркиза вооб-

ще умудрялась говорить при такой особенности, настолько кривой у нее был рот.

Но она была той еще болтушкой:

— Согласись, Лавиния, она появилась очень уж вовремя. Говорят, именно она исцелила Его Величество! А как ей удалось? Колдовство, не иначе.

— Или она привезла шамана с Большой Земли, — пробормотала графиня.

— Ты в это веришь? — ахнула маркиза. И тут же прикрыла рот черным веером, пряча свою челюсть. А может, испуг. Сообщения у нашего Острова с Большой Землей не было во многом из-за шаманов, которым приписывали едва ли не божественное всеисилие и суровость. Все мы знали истории о их зверствах, а сорок восемь лет назад во время последней войны могли убедиться в их правдивости.

— Это чуть более вероятно, чем ее магическая суть, — хмыкнула графиня. — Сказки... Ах, смотри, это же Эстер!

И, оттеснив мужа в сторону, она поспешила к кругу пышно наряженных леди. Граф закатил глаза. Вид его сделался очень уморительным. «Господи, ну за что?» — кричало каждое его движение. Если подумать, нам с Раем было даже лучше, ведь нам за все это хотя бы платили.

Рай умудрился украдкой взять с подноса шампанское и кивнул мне, предлагая. Я отказался. До окончания вечера еще долго, а я слишком быстро пьянею.

Время тянулось нестерпимо. Патока разговоров, взмахи вееров, фальшивые улыбки. И повторяющееся отовсюду на разные лады имя принцессы: «Шериада».

Когда двери в тронный зал наконец открылись, всеобщее любопытство накалилось до предела. Если бы не строжайшие правила этикета, несчастных лакеев

и церемониймейстера попросту растоптали бы. В задних рядах уже началась давка, но графиня не стала дожидаться, пока она дойдет до нас. Лавиния схватила мужа за локоть, кивнула нам и решительно пошла в сторону дверей.

Меня всегда удивляло, как она умудряется быть настолько проворной при ее чрезмерном весе.

— Мы первые приехали, — ворчала она, глядя, как перед ней выстраивается очередь. — Имейте право!

Конечно, куда больше прав имели те, кто выше по положению. Они и прошли в тронный зал первыми, а нам пришлось ждать еще полчаса, но за это время лакеи кое-как навели в зале порядок. Хотя, как по мне, для такого числа гостей впору было вызывать гвардейцев, а не слуг. Но все как-то устроилось.

Церемониал королевского приветствия чрезвычайно строг: подойти к трону не ближе чем на два метра, поклониться — графу и графине можно неглубоко, у спутников поклон, естественно, другой: мы же простолюдины и нам запрещено на короля даже смотреть. Далее — приблизиться (не больше чем на метр), если Его Величество пожелает. После обмена любезностями (при условии, что таковой последует) требуется снова поклониться: поклонов никогда не бывает много. А после — неспешно удалиться в соседний зал, где гостей ждет фуршет.

Думаю, не только мы в этот раз церемониал не соблюли. Графиня при подходе к трону споткнулась, мы с Раем еле успели ее подхватить. А граф неприлично громко фыркнул, не сдержав смех.

И это при том, что король удостоил нас лишь взмахом руки. Он был занят: говорил с племянницей. Она стояла, облокотившись на спинку его трона, и было ясно: ей дела нет до всех этих церемоний, чужого вни-

мания и самого бала. На гостей она даже не смотрела, зато все взгляды, естественно, устремлялись к ней.

Принцесса Шериада злостно пренебрегла традициями. На ней было ярко-желтое, лимонное платье, красиво подчеркивавшее ее фигуру — а там было что подчеркнуть. Но желтое платье — когда весь двор и даже король с королевой одевались исключительно в черно-белое. Принцесса могла привлечь внимание хотя бы этим — а еще отсутствием модного в этом сезоне турнюра. Длинные перчатки, хоть и были белыми, нисколько не спасали положение.

Вдобавок она была сказочно красива. Честно говоря, когда я смотрел на нее — хоть мне и не следовало, — даже я поверил, что она — ведьма из детской сказки. Люди не бывают такими... неземными. Она словно сияла, ее смех разносился по залу звонко и непривычно. Никто никогда прежде не смеялся на церемониях.

А еще она была копией той самой пропавшей королевской сестры. После этого бала ни у кого не осталось сомнений: Шериада действительно племянница короля. Но откуда же она взялась?

Было и еще одно нарушение этикета, на этот раз по моей вине. Дело в том, что, когда мы, поклонившись, уходили, я заметил, как принцесса Шериада, все так же смеясь, выпрямилась. И я вдруг поймал ее взгляд. В ее глазах смеха не было — только усталость. Как у рабов вроде меня или Рая... Я забылся и замер. Графине даже пришлось обернуться и шикнуть:

— Элвин!

Принцесса, будто тоже опомнившись, отвернулась.

Я поклонился на всякий случай еще раз и поспешил за госпожой.

Признаюсь, я думал, на этом все закончится. Принцесса не выглядела человеком, которому нравятся ба-

лы — скорее, она казалась затворницей. Спутник должен уметь замечать такие вещи, чтобы преуспеть. Я был уверен, она исчезнет после обязательной церемонии приветствия.

Но принцесса, наверное, любила поесть не меньше Лавинии. Графиня напала на ее след — точнее, заметила среди накрытых столов, когда Шериада с большим аппетитом одну за другой ела зефирные тарталетки. Не думаю, что она их хотя бы жевала.

Аристократы смотрели на нее, как на главное представление вечера. Подходить не спешили, но неотрывно наблюдали. Нужен был кто-то, кто сломал бы этот невидимый барьер отчуждения. Я даже не удивился, когда эту роль решила взять на себя Лавиния.

Она направилась к принцессе, ведя за собой нас с Раем, как ледокол — корабли, и улыбалась так широко, словно губы ей растянули искусственно. Жуткое зрелище. Когда леди Лавиния подошла к принцессе, та, вздрогнув, обернулась и закашлялась, и я хорошо понимаю ее.

— Ваше Высочество, — запела графиня. — Мы не были представлены...

— Лавиния Эштон, — отозвалась принцесса. — Конечно, я вас знаю. Моя кузина только о вас и говорит.

Лавиния застыла. Вряд ли ее удивили слова принцессы: Ее Высочество Элизабет часто удостаивала нас визитом. Полагаю, графиню (как и всех нас) сразил голос Шериады. Я упоминал, что ее внешность казалась неземной? Забудьте, в ее голосе магии куда больше. Он звучит так, словно заговорила сама музыка, и обволакивает, как терпкий мед. Услышав его впервые, совершенно все начинают зачарованно улыбаться, — позже я видел это сотни раз.

А тогда улыбались даже мы с Раем. Словно произошло что-то хорошее, уютное и теплое.

Принцесса терпеливо ждала и смотрела через плечо Лавинии на меня. Я не сразу заметил это — настолько зачаровал меня ее голос. А когда заметил, тоже замер. Это было странно: обычно я не теряюсь даже в присутствии королевских особ. За столько выходов я успел к ним привыкнуть. Но от принцессы веяло чем-то... Наверное, то же чувствовали наши предки, когда поклонялись Единому Богу. С тех пор только восклицание и осталось, а религия на Острове не в чести. Я о ней читал лишь в учебниках. Но чувство было оттуда — благоговейный трепет.

Очень странно...

— Ах, какое... удовольствие! — выдохнула, наконец, графиня, и я вздрогнул. — Право же, знать, что Ее Высочество льстит мне своим вниманием. — Лавиния заметила взгляд Шериады и повернулась ко мне. Я демонстративно опустил глаза. Шикнуть на Шериаду Лавиния не могла, поэтому продолжила: — Принцесса, позвольте выразить мое восхищение. Вы так похожи на мать! Я знала ее, мы дружили еще детьми.

Насколько мне известно, эта дружба ограничивалась редкими встречами на детских балах.

— Мы так горевали, когда она неожиданно исчезла, — продолжала Лавиния. — Ваше Высочество?

Ей пришлось повторить это еще раз, и только тогда Шериада отвела от меня взгляд.

— А? Прошу меня простить, я все прослушала... Не ожидала увидеть здесь кого-то моего рода.

Лавиния нетерпеливо взмахнула веером:

— Вашего... рода, госпожа?

— О да. Вы, кажется, говорили о моей матери? Действительно, мы похожи.

— Просто чудо! — подхватила графиня. — Могут ли вы поинтересоваться, как вышло...

Ей, конечно, очень хотелось бы узнать, где сейчас сестра короля и кто отец Шериады, но она не придумала, как сделать это тактично, и промолчала. Даже Лавиния иногда вспоминает про чувство такта.

Времени на размышления ей не дали. К нам танцующей походкой моряка или пьяницы — в его случае, конечно, последнее — шел Его Высочество принц-наследник Дамир. Он шел тяжело, качался на ногах и наконец оступился и врезался в стол.

Цветочные конструкции чудом выдержали, а вот пудинги поплыли и несколько бокалов опрокинулось, испачкав сюртук Его Высочества.

Принц пьяно хихикнул:

— Дамы...

— Ваше Высочество, — кокетливо закрылась веером графиня.

Принцесса открывать веер не стала, как и улыбаться такому поведению.

— Кузен, — отчеканила она, и ее сладкий голос вмиг сделался ровным и холодным.

Принц, казалось, моментально протрезвел и расплылся в улыбке:

— Кузи-и-на! У нас, знаешь ли, снова ба-а-ал. А я слышал, ты балы не любишь. Не представлял, что найду тебя здесь...

— Что ты пил? — Ее голос стал еще холоднее.

— Вино, — отмахнулся принц. — Конечно, вино... А что, танцы уже?..

Принцесса подалась вперед и принялась. А потом, словно это было в порядке вещей, взяла принца за ухо и потащила его к комнатам отдыха.

— Ай, кузина, пусти! — стонал принц.

— Я говорила, — шипела она. — Узнаю, что ты снова был в этом притоне, — и я тебя высеку!

— Я принц, меня нельзя сечь! Кузина, пусти!

Их провожали изумленными взглядами. Леди закрывались веерами, пряча удивление. Кавалеры тихо переговаривались.

— Давно пора было это сделать, — пробормотал подошедший граф. — Видит бог, он пропьет наш Остров.

Графиня круто обернулась:

— Замолчи!

Объявили танцы. Я видел, как среди гостей мелькало желтое платье, но был слишком занят Лавинией.

«К концу службы точно останусь без ног», — думал я, когда к нам приблизилась еще одна принцесса. Ее Высочество Элизабет — та, что так часто навещала графиню. Лавиния всячески перед ней юлила: это был ее билет в круг близких для королевской семьи людей.

А Элизабет хотела, конечно, другого. Она перебила поток любезностей из уст Лавинии и с нетерпеливой улыбкой сказала:

— Вы не одолжите вашего спутника на вечер?

Я поймал насмешливый взгляд Рая.

— Ах, конечно! — улыбнулась Лавиния. — Для вас все что угодно, Ваше Высочество.

Принцесса протянула мне руку. Я поцеловал ее и повел Элизабет к танцующим. По дороге я говорил ей пошлейшие комплименты:

— Вы сегодня восхитительно выглядите, Ваше Высочество. Этот цвет невероятно подходит к вашим глазам...

Она кивала. С тем же успехом я мог и молчать: ей хватило бы одного взгляда на меня. Потом она затащит меня в одну из комнат для отдыха, запрет дверь и... Весь вечер я действительно проведу с ней.

Не знаю, что она во мне нашла. У принцессы было множество собственных спутников, но каждый прием она забирала меня у Лавинии. Каждый прием и каждый ее визит.

Мы почти не разговаривали. То есть я, конечно, говорил, и даже много. И комплименты ей нравились — я видел, как она краснела и оборачивалась на зеркало. Но она редко отвечала.

Проводить время с принцессой мне нравилось больше, чем с Лавинией. Она была... простовата, конечно. Но все же не напоминала масляный торт в парче. Угловатая девочка восемнадцати лет, невзрачная, молчаливая. Ей не шел белый цвет, приличный для аристократки. Она в нем выглядела невзрачно, но, конечно, соблюдала этикет.

И во время танца она не наступала мне на ноги.

Но, как я говорил, танцевали мы мало. Смотреть на меня Элизабет быстро уставала: ей хотелось вовсе не этого.

— Что, моя кузина тоже тебя заметила, Элвин? — сказала она некоторое время спустя, уводя меня все дальше от танцевального зала.

Я улыбнулся. Видно было: Элизабет предпочла бы, чтобы эта самая кузина никогда не появлялась.

— Правда, она похожа на мою тетю? Скажи ей об этом, и она тебя возненавидит...

Мы дошли до библиотеки, и мое сердце екнуло. Я с детства люблю книги. Но с тех пор, как поселился у Лавинии, я лишен возможности читать. За последние два года я прочитал хорошо если с десятков книг, да и те — модные новинки, только чтобы было что обсудить с госпожой. Но я по-прежнему не могу спокойно пройти мимо хорошей библиотеки. А королевская была не просто хорошей, а невероятной: книг здесь сот-

ни, а может, и тысячи. Стеллажи упирались в потолки, и до верхних полок можно достать только с лестницы.

Принцесса потянула меня внутрь. Я еле сдержал вздох ужаса: только не здесь...

— Тут уютно, и уж точно никто не войдет. Сейчас найду ключ, — сказала Элизабет и, оставив меня у окна, подошла к двери.

Пахло старыми книгами. Я закрыл глаза и попытался представить, что все это неправда. Что я смотрю на происходящее со стороны. Иногда это помогало, но теперь — нет.

Я открыл глаза. Принцесса все еще искала ключ, а я, чтобы отвлечься, огляделся и...

У дивана неподалеку от окна лежала золотая подвеска. Наверное, кто-то из гостей ее обронил. Не знаю, как я ее заметил: света мы не зажигали и блеском она меня не привлекла бы. Нет, она как будто... звала. Это странное ощущение. Чем больше я смотрел, тем больше мне хотелось ее взять.

Ключ, наконец, щелкнул в замке, и я обернулся. Но Элизабет уже заметила мой взгляд.

— Что там? О... Надо же. Это кузины.

Она подошла и показала мне подвеску на вытянутой руке. Крупный опал в золотой оправе. Подвеска была очень простой и совсем непримечательной на первый взгляд. Однако, если приглядеться, камень казался живым. Вспыхивавшие в нем разноцветные искры не давали отвести взгляд.

— Держи, — принцесса протянула подвеску мне. — Вернешь ей, если захочешь. Или забери. Мне все равно.

Я нахмурился:

— Но, Ваше Высочество, почему вы решили...

— ...что это ее? — Элизабет была сегодня на удивление разговорчива. — Потому что у нее есть жуткая

привычка его теребить. Она это убожество ко всем нарядам цепляет. Уставится на тебя, как сова, а сама его из рук не выпускает. А! Давай мы это, — она крутанула подвеску на пальце, — в окно выкинем? Тогда она ее точно не найдет.

Но мне почему-то не понравилась эта мысль, и я выхватил подвеску из рук принцессы еще до того, как она договорила, но тут же сам испугался своей дерзости — будто это сделал не я. Оказавшись у меня, подвеска словно прилипла к моей руке. Она была приятно теплой, мне не хотелось ее отдавать.

Я сам не заметил, как убрал ее в карман.

Элизабет фыркнула:

— Как хочешь.

Но пора было брать себя в руки и выполнять свою работу. Я приблизился и поцеловал Элизабет.

Что произошло дальше, помню смутно. То есть все как обычно: податливая девушка у меня в руках, а я пытаюсь представить, что все происходит по моей воле — что мы влюблены и нам обоим это приятно.

А потом мы вдруг услышали, как поворачивается в замке ключ.

Элизабет замерла в моих руках, уставившись на дверь и широко раскрыв глаза.

Дверь медленно открылась, и в библиотеку вошел принц. И, к сожалению, не один. Компанию на таких вечерах ему часто составляли богатые отпрыски аристократов. Развлечение влекло их, наверное, даже сильнее желания поддержать дружбу с Его Высочеством, что могло бы быть для них полезным активом на будущее.

— Мы бросим жребий, — говорил принц, его язык слегка заплетался. — И тогда узнаем, на ком испробовать мою задумку, чтобы все было честно...

Пока он говорил, стоя лицом к входящим, его друзья смотрели на нас с принцессой. Элизабет торопливо потянулась за одеждой.

— Дамир! — Она пыталась говорить грозно, но ее голос дрожал. — Найди себе другую комнату для развлечений!

— Зачем? — удивился принц. — Мне эта нравится.

Потом он уставился на меня. Я уже поправил сорочку и думал, стоит ли поклониться.

— Ага! — воскликнул принц. — А вот и наш доброволец. Ты! Как там тебя... иди сюда. Вит, давай сюда... этот... ну, образец...

Принцесса побледнела. У меня же сердце в пятки ушло. Все королевство знало о пристрастии принца к тяжелым наркотикам. Что это был за образец, я догадывался.

Элизабет попыталась заступить брату путь:

— Дамир, ты что? Не смей!..

Но тот не дослушал ее и ударил — видимо, не рассчитав силу. Элизабет упала, а принц пьяно рассмеялся:

— Думай, с кем говоришь, сестренка. Я смею абсолютно все. И сейчас я хочу посмотреть, как действует мое новое веселящее средство... Спутник, ну же.

Меня обступили его друзья, кто-то схватил за руку. Я не мог пошевелиться от ужаса. Слухи про принца ходили красочные и, к сожалению, правдивые: после одного такого «испытания» младший сын какого-то разбогатевшего торговца погиб, не дождавшись помощи. Какими бывают наркотики, я знал отлично: Рай ими баловался. Меня же сбивает с ног даже бокал шампанского. Любой наркотик, даже самый легкий, меня просто убьет.

— Да не бледней ты так! — пьяно улыбался принц. — Это все ради науки!

Его друзья тоже что-то говорили: я слышал гул их голосов, но словно сквозь вату. Всхлипывала принцесса, смеялся принц... И тут случилось нечто неожиданное.

Подвеска в кармане потяжелела и нагрелась, а мне вдруг стало спокойно и легко, я даже решил было, что наркотик уже подействовал. На мгновение мне почудилась золотая нить, протянувшаяся к моей руке.

Потом кто-то ахнул, вскрикнул, и меня отпустили.

— Нет, ну что за криворукие! — выдохнул принц. — Кто разбил? Отвечайте!

Все молчали.

— Ладно... Кто пойдет за новой дозой?

Перед глазами плыло, я не мог стоять на ногах и держался за подлокотник дивана, пытаюсь справиться с внезапной слабостью, и даже не заметил, как они ушли.

— Пойдем, пойдем отсюда, — шептала принцесса, стоя рядом и зачем-то глядя мои плечи. — Он скоро вернется. Пойдем, ну же...

Через пару минут мы были в танцевальной зале. Посмотрев на меня, графиня заметила мое состояние и отправила дожидаться в карете. Меня все еще трясло.

Рука сама потянулась к карману. Подвеска обжигала.

Сейчас, вспоминая, я не понимаю, почему меня это не испугало. Я был сам не свой весь вечер. Не помню даже, как закончился бал и как мы вернулись в резиденцию Эштон. Меня к тому времени уже сильно мутило, начался жар, рука сама тянулась коснуться спрятанной в карман подвески.

— Расслабься, Лавиния уже знает об истории с принцем, — говорил Рай, помогая мне раздеться. — Что он тебе дал? Он сказал?

Вынуть руку из кармана с подвеской было больно, я даже пытался сопротивляться, но сил не осталось.

— Ничего не...

— Ну да, поэтому тебе так похорошело. Ладно, скажи хоть, какого оно было цвета?

Я попытался вспомнить цвет жидкости «образца», но не смог. Все мысли были о подвеске, оставшейся в кармане сюртука, который Рай уже повесил в шкаф.

— Ясно все с тобой. Ложись.

Рай отправился за аптечкой. Посылать за семейным врачом ради спутника никто бы не стал, поэтому, если кому-то из нас случалось болеть, лечились мы сами. Основами первой помощи каждый из нас владел отлично. А Рай к тому же, как я и говорил, немного разбирался в наркотиках.

Стоило ему уйти, я бросился к сюртуку. Как только подвеска оказалась в руке, мне тут же стало легче. Впрочем, не настолько, чтобы можно было сказать, что я здоров. Но осталась лишь слабость.

Когда Рай вернулся, я уже спал, и он не стал меня будить.

И забылось бы все, потому что это мелочь; если честно, на балах и не такое случается. Как я говорил, иногда люди на них умирают.

На этом, однако, все не кончилось.

На часах было пять утра, когда в резиденцию Эштон ворвались королевские гвардейцы.

Перепугали всех: и хозяев, и домашних слуг. Нас подняли и в одних ночных сорочках выставили во двор. Объяснение, конечно, было короткое: «Приказ Его Величества».

Я не успел толком проснуться, и Рай поддерживал меня за плечо, а капитан гвардейцев прохаживался мимо шеренги слуг и всматривался в наши заспанные лица.

Я даже не слишком удивился, когда он остановился напротив нас, нахмурился, словно размышляя... И указал на меня:

— Взять его.

Гвардейцы тут же оттеснили Рая, а выкатившаяся на крыльцо сонная графиня ахнула:

— Куда? Как вы смеете! Он мой спутник!

— Приказ Его Величества, — отозвался капитан.

Уже в карете с забранными решеткой окнами я понял, что подвеска все еще у меня в руке и она снова нагрелась.

Мне очень хотелось спать, и я плохо соображал, что происходит. А происходило следующее: меня доставили напрямик в королевский дворец — не в главное здание, а в один из гостевых особняков. Кажется, раньше он принадлежал какой-то фаворитке, имя которой я уже не помню.

Меня привезли в одной сорочке, босиком протащили сначала по двору, потом — через вычурный пустой холл, далее по парадной лестнице на третий этаж, пока не втокнули в небольшую комнату с плотно зашторенными окнами, освещенную единственной свечой. Тени плясали по стенам и потолку, пахло деревом и благовониями. Я лежал на мягком ковре и думал, что надо бы встать. Подвеска в моей руке стала быстро остывать.

Скрипело перо, и шелестела бумага: кто-то писал что-то и перелистывал страницы.

С трудом, но я поднялся. Встать бы не вышло — голова кружилась, комната плыла перед глазами. Но я смог хотя бы сесть.

За массивным дубовым столом сидела принцесса Шериада и, закусив губу, что-то сосредоточенно писала. На меня она не обращала ни малейшего внимания.

Я попытался вспомнить, как себя вести. Королевский протокол не указывал, что делать, если тебя по приказу подняли посреди ночи и притащили в комнату племянницы короля.

Конечно, это незаконно... Наверное. Лавиния могла бы подать жалобу в королевский суд, ее бы удовлетворили... Недели через две. У меня же прав не было никаких. Спутник — фактически чужая собственность. А слово принцессы, конечно, весомее слова графини.

— У тебя. Моя. Вещь, — не поднимая взгляда, раздельно произнесла Шериада, и меня снова пробрала дрожь от ее голоса. — Отдай.

Я попытался поклониться:

— Ваше Высочество...

Пламя свечи задрожало. Уверен, принцесса продолжала писать, а какая-то невидимая сила вдруг сдавила мне горло и подняла меня над полом. Я висел в воздухе, не в силах пошевелиться, и думал: ну, это точно сон. Этого не может быть.

Но следом пришла боль — такая, словно все мои внутренности разом скрутили, как прачка, отжимающая белье. Я слышал собственный хрип — сил не было даже кричать. Я задыхался.

Потом меня с размаху бросили обратно на пол.

Кое-как протолкнув в легкие воздух, я поднял голову. Принцесса скучающе смотрела на меня:

— Что, у магов здесь в порядке вещей пользоваться чужими артефактами?

Я вдруг почувствовал, что подвеска все еще у меня в руке. Она была совершенно холодной.

— Отдай, — повторила принцесса.

Я смотрел на нее, не в силах ответить и пошевелиться.

И все повторилось. Только на этот раз дольше — по крайней мере, так мне казалось.

Когда я вновь рухнул на пол, то не мог шевелиться от усталости.

Подвеска словно приклеилась к руке. Я в ужасе смотрел на нее сквозь слезы.

— Да отдай же ты ее, мальчишка! — Принцесса склонилась надо мной: — У меня нет сейчас настроения убивать. Ну же.

Я увидел, как она протянула руку, и прохрипел:

— Не... могу.

Ее глаза сверкнули золотом, а я испугался, что сейчас все повторится, и, собрав последние силы, сумел прошептать:

— Не надо.

Она услышала и нахмурилась:

— Так отдай, и я тебя отпущу.

Я попытался сбросить с руки подвеску — с каждой секундой силы ко мне возвращались, и это было странно.

Подвеска никак не отставала от моей ладони.

Помню, как сидел на ковре, тряс рукой, а Шериада склонилась надо мной в голубом шелковом халате, очень похожая на фарфоровую куклу. И смотрела на мою руку почти с ужасом.

— Но... ты же... Да нет, ты ею пользовался! — выдохнула она, садясь рядом. — Ты колдовал сегодня, я же чувствую!

Забыв про протокол, я уставился на нее, по-прежнему пытаюсь избавиться от подвески.

— Да ладно! — наконец произнесла Шериада, довольная на меня насмотревшись. — Ты же... ты же не хочешь сказать, что у тебя это впервые?

К тому моменту мне настолько полегчало, что я вспомнил про манеры.

— Что, Ваше Высочество?

— Колдовство, конечно!

Я подумал, она шутит. Хотя после того, что произошло, какие шутки!

— Колдо... Ваше Высочество, я не понимаю.

«Я тоже», — было написано у нее на лице.

— Да нет. Не может быть! — пробормотала она. И потянулась ко мне.

Огромным усилием воли я заставил себя не отпрянуть. И невольно заметил: на ее руках были перчатки. Странно для домашнего костюма.

Тем временем она коснулась моего лба — легко, почти невесомо. И тут же отпрянула.

— Я не... — Ее голос снова изменился. Он больше не пугал, но и не очаровывал. Он звенел от вины, и мне даже стало ее на мгновение жаль. — Я... — снова выдохнула она. И покраснела. Я испугался, что ей станет плохо.

Но она уже отвернулась, а потом встала. Прошла к столу, зачем-то постучала по нему. Потом взяла пустой бокал, налила воды и, наклонившись, достала из ящичка прозрачный флакон. Помню, как подумал: принцесса, наверное, тоже уважает — как говорил принц? — веселящие средства.

Она вылила пару капель из флакона в воду. Комната наполнилась свежим запахом мяты.

Подумав, принцесса добавила еще две капли. Потом, подойдя, наклонилась надо мной и протянула бокал:

— Пей.

— Ваше Высочество, мне нельзя, — выдавил я.

— Можно. И нужно. Это лекарство. Пей, — терпеливо повторила она. — Ну же, не бойся.

Ее голос в который раз поменялся: теперь он согревал и успокаивал, словно теплое одеяло. Я неволь-

но расслабился и чуть не выронил бокал. Принцесса его придержала. И внимательно следила, как я пью — до дна.

Потом она выпрямилась, забрала бокал и подала мне руку. Просто, как будто между нами не было никакой разницы.

— Вставай.

Я поднялся, и она отвела меня к креслу для посетителей.

— Садись. Немного будет кружиться голова, но это скоро пройдет.

Кресло было таким удобным, что я, забывшись, закрыл глаза.

— погоди спать. — В голосе принцессы мне послышалась улыбка. Я открыл глаза. Шериада действительно улыбалась. — Ты еще не выслушал мои извинения.

Она отошла к стене, остановилась перед таким же креслом и серьезно заговорила:

— Прости меня, пожалуйста. Мне в голову не могло прийти, что маг с такой мощной силой понятия не имеет... — Она поймала мой растерянный взгляд, коротко улыбнувшись. И вдруг поклонилась. Низко, как спутники кланяются королю.

«Что она от меня хочет?» — билось в голове.

Я протянул ей руку с подвеской. Украшение (или, как она сказала, артефакт) на этот раз скользнуло на пол совершенно легко. Мы оба проследили за тем, как оно катится по ковру.

Потом Шериада выпрямилась. Протянула руку — и подвеска взлетела к ней.

— Эта тебе не подойдет, — пробормотала принцесса. — Я вижу, ты к ней уже привязался. — Она посмотрела на меня и снова закусил губу. — Но нет, тебе нужна другая.

Вдруг она шелкнула пальцами, и на столе появилась (из воздуха, честное слово!) резная деревянная шкатулка. Открыв крышку, принцесса стала изучать содержимое. Золотая подвеска с опалом тем временем мигнула и... пропала.

— Я сплю? — выдохнул я, оглядываясь.

— Ты знаешь, ровно то же самое, слово в слово, сказал мой дядя, когда я... — Принцесса вытащила из шкатулки черный шнурок и маленький футляр. В футляре оказалась другая подвеска — серебряная с ониксом. Принцесса стала закреплять ее на шнурке. — Сказал дядя, когда я появилась в его спальне. Так что, возможно, это ваша естественная реакция на магию. Хотя... Дамир, когда меня впервые увидел, просто послал.

— Куда? — вырвалось у меня. От усталости я плохо соображал, а то бы рассмеялся. Магия! Она что, шутит? На Большой Земле были шаманы, но у нас, на Острове, в магию верят только глупцы и дети. Это же просто смешно!

Принцесса усмехнулась:

— Далеко. Очень. Наверное, не стоило его холодной водой из ведра обливать. А может, и стоило — холодная ванна утром прекрасно закаляет и тело, и волю... Готово.

Она подала мне подвеску. Я молчал и продолжал непонимающе смотреть на нее.

— Бери же.

Если золотая подвеска шептала, то эта как будто пела. От нее... Как бы сказать?.. Исходила энергия Шериады.

— Бери, — повторила принцесса. — Ты сейчас будешь притягивать нежить, как магнит. А может, и еще кого похуже. От нежити это отличная защита, а кто по-

хуже почувствует мой отпечаток и не рискнет связываться. Бери! — прикрикнула она в нетерпении.

Я вздрогнул от неожиданности. Подвеска упала мне в руки, и под пристальным взглядом принцессы я надел ее на шею.

— Замечательно, — улыбнулась Шериада. — Не снимай никогда. Она станет невидимой, если будет мешать... Тебе лучше?

— Да, Ваше Высочество. — Я еще чувствовал слабость, но не более того.

— Я подняла тебя с постели. — Принцесса вздохнула: — Конечно. Тебе надо выспаться. — Она потянулась за колокольчиком для слуг, но вдруг замерла. Она обернулась и снова осмотрела меня с ног до головы. Я почему-то подумал, что моей красотой она сейчас вряд ли восхищается. Сомневаюсь, что я был красив в пять утра, после того... Чем бы это ни было.

— Как тебя зовут?

Я поднял взгляд:

— Элвин, Ваше Высочество.

Она кивнула. И зачем-то сказала:

— Шериада. Думаю, вреда не будет, если ты будешь звать меня так. Отдохни сейчас у меня, а днем тебя отвезут обратно к графине. Потом я сама тебя найду. — Она слабо улыбнулась: — Еще раз прости. Если бы я знала, я бы никогда... И не колдуй больше.

— Да, Ваше Высочество, — на всякий случай отозвался я.

Она усмехнулась и позвонила в колокольчик.

Я ожидал, что снова явятся гвардейцы и отведут меня в тюрьму. Я действительно забрал — по чести говоря, украл — вещь, принадлежавшую принцессе. Об этом стало известно, и это нельзя было оставить просто так.

Но в дверях появился не капитан, а, судя по ливрее, дворецкий.

Принцесса кивнула на меня:

— Итан, проводи, пожалуйста, господина Элвина в гостевую комнату и проследи, чтобы ему было удобно.

Дворецкий удивленно смотрел на меня. Уверен, он понял, кто я. Я и сам не мог прийти в себя от изумления. Таких, как я, не называют господами. Это, наверное, шутка?

— Господин Элвин — мой дорогой гость, — добавила принцесса, и в ее голосе послышалась твердость. — Я буду очень разочарована, если узнаю, что ему здесь было плохо.

Взгляд дворецкого тут же изменился.

— Конечно, мадам. Все будет исполнено.

И он поклонился мне, будто я равен ей.

Сил удивляться не осталось.

Никакой тюрьмы в самом деле не оказалось: меня отвели в роскошную спальню. Я решил было, что она принадлежит самой принцессе, но ничего женского в ней не было. Даже туалетный столик отсутствовал. Зато была прекрасная ванная, а на кровати меня дожидалась новая ночная сорочка.

Я очень устал и боялся, что будет нехорошо, если принцесса захочет прийти, а я буду спать. Но стоило мне лечь и прикрыть глаза, как меня объял такой крепкий сон, что до полудня я проспал как убитый.

Если принцесса и приходила, то ничем свое недовольство не выказала.

Проснулся я к полудню совершенно здоровым. Пожалуй, никогда не чувствовал себя лучше. После завтрака мне принесли новую одежду — еще лучше той, что я носил у графини, и сказали, что карета уже го-

това. Не та, с решетками на окнах, на которой меня привезли сюда, а парадная, королевская. Принцесса, очевидно, любила причуды.

Я ехал в поместье Эштон и думал, что же рассказать госпоже. Добром это не кончится — ясно и так. Принцесса мной заинтересовалась, и визитами, как Элизабет, она не ограничится: не того поля ягода. С графиней у меня был шанс дожить до двадцати пяти. А во дворце, под боком у помешанного на алхимии принца, — вряд ли. К тому же и Шериада меня пугала. Я не мог понять, что из ночного «приключения» было сном, а что — реальностью. Но точно знал: оно еще не закончилось.

Глава 2

Выходных у спутника не бывает: мы трудимся не покладая рук, рабочий график у нас ненормированный. Проще говоря, как повезет: может и весь день выдаться свободным — особенно если таких, как ты, у госпожи много. Лавиния была капризна и требовательна, поэтому везло редко.

Но когда я прибыл в поместье, графиня уже успела отправиться к герцогине Алден — естественно, обсудить последние сплетни о принцессе Шериаде. Можно было отдохнуть. Я ожидал, что по возвращении Лавиния устроит мне допрос с пристрастием, и как следует приготовился. Еще я был уверен, что в отличие от дня ночь выдастся трудной: делиться Лавиния ненавидела, а в этот раз ей пришлось отдать меня сначала одной принцессе, а почти сразу после — другой. Графиня захочет напомнить, кто тут госпожа, — она это делала после каждого визита к Элизабет.

Но я снова ошибся. Лавиния явилась домой рано, еще до заката, — и совсем пьяная. Рай самоотверженно тащил ее на себе от кареты до спальни, а потом жаловался:

— У этой фифы, — так он называл герцогиню, — подавали пирожные с ликером. Так наша свинья нажралась до поросячьего визга, а потом еще абсента себе плеснула. Герцогиня же пьет, а чем мы хуже? Затем начались танцы, и эта идиотка полезла на стол. Шест, говорит, мне давайте, я покажу вам, как нужно развлекаться. Ты бы видел, это было ужасно! Я ее со стола насилу стащил. — Рай фыркнул, и я рассмеялся.

Здоровое тело у аристократок вошло в моду год назад (вместе с турнюром — уж не знаю, как одно связано с другим). И дамы дружно потянулись заниматься спортом, причем особенной популярностью пользовались танцы. Кто-то вспомнил про древние, еще до Потопа, народные пляски, в том числе про танец живота. А позже стал популярным шест. Столичные танцовщицы, которых раньше приглашали разве что в кабаре, внезапно сделались безумно популярными. Одна такая давала Лавинии уроки, а нас с Раем использовала в качестве благодарных зрителей. Самым трудным было сдерживать смех во время этих уроков. Нам удавалось, и Лавиния искренне считала, что у нее отлично получается.

— Я думал, этот несчастный стол вот-вот треснет, — продолжал Рай. — Уверен, к герцогине мы в ближайшее время точно не поедем.

— И слава богу.

Да уж, леди Алден любила вечеринки «погорячее». Проще говоря, оргии. Возвращаешься выжатый как лимон, так еще и за пьяной госпожой приходится ухаживать. Удовольствие то еще.

Однако на этот раз обошлось: еще был вечер, а Лавиния уже спала в своей спальне, и до утра мы с Раем ей вряд ли понадобится, а если повезет, то и до следующего вечера. Ликер с абсентом... Похмелье будет мучительным.

Поэтому с расспросами о принцессе ко мне пристал Рай.

— Колись, — начал он за ужином. — Какая она? Ха, ты бы слышал, как ей сегодня косточки перемывали. Наши дамы поголовно уверены, что она ведьма. Потому что только ведьма может так выглядеть. Ну, или реакционерка.

Я удивился. Реакционерами называли противников монархии, время от времени они учиняли в столице и провинции беспорядки. Их ловили, пойманных показательно вешали, но реакционеры не сдавались.

— Почему? Она же из королевской семьи.

Рай хохотнул:

— Ты что! Она же надела цветное платье. Ну точно реакционерка. А то и кто похуже. Преступление страшнее для наших красавиц и придумать сложно. Но рассказывай давай, какая она? Если серьезно, зачем она тебя вызывала? Да еще и со стражей? Любит пафос?

Я рассказал, как нашел подвеску, не успел отдать на балу, а принцесса горела желанием ее вернуть. Все странные моменты, казавшиеся мне теперь сном — вроде появившейся из воздуха шкатулки, — я опустил.

— Слушай, за такое и казнить могут, — помрачнел Рай. — Ты с ума сошел? Зачем вообще взял? Ты же знаешь правила...

Я вздохнул, не зная, что ответить.

— Так вышло.

Рай покачал головой:

— Эл, друг мой... Учти, я без тебя тут свихнусь. Поаккуратнее, ладно?

Я промолчал. То же самое я мог сказать и про него. У всех нас свои слабости. Правда, раньше чужие украшения меня не привлекали. Я до сих пор не мог ответить, что на меня тогда нашло.

— Ну хорошо, — продолжал Рай. — И? Тебя отправили в темницу? Давай предположу: она сама явилась на допрос и справедливо решила, что такой красоте нельзя пропадать зря? А потом ты оказался настолько хорош, что она тебя в королевской карете домой вернула? Королевской, Эл! Лавиния съест все свои перстни за возможность на ней прокатиться!

Я представил и рассмеялся. А ведь и правда съест.

— Ну? — поторопил Рай. — Давай, с подробностями.

— Если честно, я мало что помню. — Я уже и сам сомневался, что прошлой ночью ничего не было. Воображение услужливо подсовывало мне картинки одна другой интереснее. Чем-то ведь Шериада меня опоила. Что, если потом... Я просто не запомнил? Это было бы правдивее гостевой спальни. И «дорогого гостя».

— А-а-а... — протянул Рай, изучив мое лицо. — Что, она как принц? Увлекается алхимией?

Я пожал плечами:

— Не знаю, Рай. Что-то она мне и правда дала. Я... действительно ничего не помню. Но... Оно пахло мятой.

— Мятой? — Рай задумался. — Да так, что ты потом как огурчик? Хм...

Мы замолчали. Я налил себе еще кофе и с сожалением отказался от добавки утиной грудки. Толстеть мне нельзя... Мы прикатали из полупустой кухни (главное, знать, когда повар отпускает кухарок и сам

отправляется отдыхать) сервировочный стол с остатками господской еды. Это было, наверное, против правил, но покормить нас господа вечно забывали. В этот раз нам повезло: нашелся даже десерт — ягодное желе, огромная редкость посреди зимы. Правда, мало, и я чувствовал, что за него мы с Раем еще сцепимся.

— Ладно, — Рай тоже потянулся за кофейником. — А спутники у нее уже есть? Не видел?

Я покачал головой.

— Тебя только на разведку посылать, — вздохнул Рай. — Скажи, как это у тебя получается? Что ты с этими принцессами делаешь? Сначала одна, теперь вторая. Нет, серьезно, *что* ты делаешь?

— Если бы я знал! — воскликнул я и мысленно продолжил: «Не делал бы...» Было бы легче служить одной только Лавинии.

— Ты бы мне сказал, — с улыбкой закончил Рай. — Потому что я тоже не против оказаться во дворце и...

Его перебил стук. Во входную дверь, ведущую во двор для прислуги, кто-то настойчиво колотил.

Мы замерли.

— А что, новая экономка еще не спит? — недовольно поинтересовался Рай.

Я попытался встать, но мне мешал стоящий в проходе между нашими кроватями столик — его пришлось бы выкатывать к двери, чтобы мне было куда поставить ноги.

Рай вздохнул:

— Сиди, я открою.

Экономка у нас сменилась недавно. Уж не знаю, за что Лавиния разжаловала предыдущую, но та хотя бы закрывала глаза на наши вечерние походы на кухню. Новая была моложе и то ли слишком ревностно относилась к своей работе, то ли таким образом хотела

получить от нас с Раем бесплатное внимание. Раза два она нас уже отчитала и пообещала пожаловаться госпоже. Если она решила, что мы испугаемся и теперь будем покорно ложиться спать голодными, то она очень, очень ошиблась.

— Да пожалуйста, — фыркнул в тот раз Рай. А потом добавил, когда она ушла: — Будут еще всякие подхалимы указывать, что мне делать.

Как по мне, надо было с ней помягче. Но Рай не привык сдерживаться.

— Ага, а потом станешь ее подстилкой. Я знаю таких — на шею сядут и ноги свесят. Даже не думай!

Сейчас он шел открывать, и было ясно: вот-вот разгорится новый скандал. Я приготовился их успокаивать. Такие уж мы с Раем: он порывист, а я сдержан. По крайней мере, так говорит Лавиния, рассказывая, за что она нас любит. За это — и за все остальное, естественно.

В дверь постучали громче.

— Уже бегу, — проворчал Рай, пробираясь между своей кроватью и столиком. — Что, нейметесь? Да?

Он повозился с защелкой и приоткрыл дверь. В комнату тут же ворвался ветер и бросил мне в лицо крупные снежинки: снаружи вовсю завывала метель. Я думал, хотя бы из-за нее Рай все-таки пригласит экономку в комнату, но он почему-то медлил. И смотрел так, словно за дверью стоял по меньшей мере демон из сказок — тот самый, который приходит к непослушным детям в канун Нового года.

Я привычно пригладил одежду. Неужели экономка привела с собой дворецкого для вящего устрашения?

Но тут из-за двери раздался знакомый шарующий голос:

— Милый юноша,пусти бедную замерзшую девушку в дом. Здесь очень холодно.

Я замер на месте. А Рай наконец с поклоном отошел — и принцесса перешагнула порог. Она деловито стяхнула снег, не дожидаясь помощи, сняла теплый плащ, под которым на ней оказался мужской костюм.

Помню, как подумал тогда: у нее есть хоть какое-то понимание о приличиях? Мужская одежда на женщине? Помилуйте!

Словно не замечая нашего изумления, принцесса протянула Раю здоровенную коробку. И широко улыбнулась. Так, наверное, кошка мышам улыбается, прежде чем их съесть.

— Я прошу прощения, что явилась без приглашения. — Принцесса, как фокусник, подняла крышку коробки. — Но! Я с гостинцем. Вот.

В коробке оказался торт. Он дивно напоминал Лавинию в ее лучших платьях.

— Э-э-э... Спасибо, — очнувшись, пробормотал Рай.

Принцесса одарила его лучистой улыбкой и добила:

— Я сама пекла.

У Рая дернулся глаз.

— Прелестно, — выдохнул он, озираясь. Такую огромную коробку можно было поставить разве что на пол: на столике для нее места не было.

Принцесса тоже огляделась. И просияла:

— О! Так я к ужину. Можно?

Не дожидаясь приглашения, она схватила желе. Мы смотрели, как она его жует — с таким невинным видом, словно ничего странного не происходит. Потом Рай, не выдержав, расхохотался. Принцесса вытерла губы и снова улыбнулась:

— А что, брюки у вас женщины не носят? Вы так на меня посмотрели, когда я вошла, как будто я в неглиже явилась.

«В неглиже было бы пристойней», — чуть не ляпнул я.

Рай тоже сумел сдержаться.

— Нет, Ваше Высочество, — ответил он. — Не носят.

Шериада вздохнула. Оглядела себя — от синей со-
рочки до вышитых алой нитью брюк, под которыми
начинались кожаные сапоги с острым носом и сере-
бряными каблуками. Перевела взгляд на наши с Раем
босые ноги.

— Бездна, где мои манеры...

Вернулась к порогу и стала разуваться.

«Бездна» — тогда я решил, что это варварское сло-
во. На Острове могли чертыхаться и по привычке взы-
вать к богу— всегда одному. Шериада, конечно, при-
выкла к другому.

Рай выразительно посмотрел на меня, надеясь най-
ти объяснение происходящему, но я только покачал
головой.

— Госпожа, — сказал тогда Рай. — А может, вы за-
блудились?

Принцесса тем временем прыгала на одной ноге,
пытаясь стащить второй сапог.

— Что, настолько? — фыркнула она. — То есть
я, конечно, могу промахнуться и попасть не в тот мир.
Это бывает, увы, часто. Но парадную дверь от черно-
го входа отличить — на это... даже... уф!.. Я способна.
Не-е-ет, я шла именно к вам. То есть к нему, — она
указала на меня. — Добрый вечер, Элвин. Я обещала,
что найду тебя. Ну и вот. Нашла.

Рай снова посмотрел на меня. Я, наверное, пялился
на торт и не мог подобрать ответ, потому что Рай про-
должил:

— Ваше Высочество, если вы хотите одолжить
спутника, вам необходимо обратиться к его госпоже.

Если пожелаете, я позову лакея, и он проводит вас к ее светлости...

— Не пожелаю. — Шериада подула на руки. — Как-то у вас тут холодно... Так вот, во-первых, Лавиния сейчас спит без задних ног. Во-вторых, я поняла: Элвин, я испугала тебя вчера утром. Я, конечно, извинилась, но это вряд ли тебя успокоило, да? Значит, надо беседовать на твоей территории. Что, зря я с тортом явилась, что ли? Он — этот... Как это по-вашему? Залог моих добрых намерений. Вот. А можно мне кофейку? Да ты садись, молодой человек. Как тебя зовут?

— Раймонд, госпожа.

— Очень приятно, я Шериада. Благодарю. — Она забрала чашку с кофе, огляделась и устроилась на краешке кровати Рая. — Раймонд, садись, пожалуйста. Я ваша гостья, и мы не во дворце. Не нужно церемоний.

Рай пожал плечами и принялся резать торт.

— Как скажете, Ваше Высочество.

Принцесса снова посмотрела на меня.

— Ты выглядишь лучше, чем вчера. Элвин, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, госпожа, — выдавил я.

Она действительно меня пугала. Что ей нужно? Почему не приехала с визитом к госпоже, как Элизабет? Я бы понял даже королевских гвардейцев, но эта фамильярность, как будто мы равные, — она только напоминала о нашем различии и унижала.

Шериада склонила голову набок и прищурилась:

— Хорошо. Но магический фон у тебя штормит. Я настолько тебе противна?

Рай чуть не выронил нож, а я открыл рот, но не смог ответить: голос от удивления снова отнялся.

— Госпожа, мы просто изумлены, — попытался объяснить Рай. — У нас никогда не было таких... вы-

соких гостей. Простите, Ваше Высочество, я не имел в виду, что...

— Я понимаю, — перебила принцесса. — Но, честно говоря, я и на такой визит еле время выкроила, да и в голову мне больше ничего не пришло. Я думала, как сказать, это же такое... событие. — Она покосилась на Рая и, помолчав, объявила: — Элвин, ты волшебник.

Повисла тишина.

Я почувствовал нарастающую злость. Да что такое! Сначала поднимает меня посреди ночи и волочет во дворец из-за какой-то подвески, потом заявляется в мою комнату, как к себе домой, — а здесь даже Лавиния не была! — и неизвестно что из себя строит. Какой еще волшебник? Она за ребенка меня принимает или за глупца? Или это какая-то игра? Допустим, верно последнее. Но тогда... «Не понимаю, — думал я. — Если так нейдет, сделай все по правилам! Даже для принцесс они существуют. Попроси разрешение графини... Да купи меня наконец! Зачем этот фарс?! Принцессы не разговаривают так запросто со спутниками. Принцессы не делают вид, будто мы с ними на одной ноге. Принцессы, наконец, не несут всякий вздор! Я что, настолько для нее глуп, раз она может унижать меня подобным образом? Неужели она думает, я не понимаю, какая между нами пропасть?»

В глазах Рая было написано только: «Сумасшедшая!»

Шериада как ни в чем не бывало потянулась за куском принесенного торта. И сама же себя поправила:

— Надо больше ванили. И тмина. Хм, ваниль и тмин... Не перебьют ли они вкус друг друга?..

— А-а-а, — первым пришел в себя Рай и улыбнулся откровенно фальшиво. — Ваше Высочество имели в виду, что Элвин так невероятен в постели...

— Мое высочество имело в виду, что он — волшебник. То есть способен колдовать. А конкретно — покорять демонов. — Сказав эту чушь, Шериада церемонно поставила чашку на столик. — А про постель я ничего не знаю. Но могу предположить: демонологи обычно о-о-очень горячие. Неудивительно: пообщаешься с лисами-оборотнями, а они те еще вертихвос...

— Прекратите, — выдохнул я.

Шериада тут же замолчала.

Снова повисла тишина.

Принцесса ела торт и смотрела на меня. Рай переводил взгляд с меня на нее и, похоже, впервые в жизни не знал, что сказать.

— Понимаю, — произнесла наконец Шериада. — Тебе нужно привыкнуть к этой мысли. Когда мне такое сказали, я в обморок упала. Правда, мне тогда было одиннадцать. Между прочим, сколько тебе лет?

— Двадцать, — не задумываясь ответил я.

Она удивилась. Все удивляются — потому я и ду- мал, что доживу до двадцати пяти, а то и до тридцати. Я довольно молодо выгляжу.

— О! — выдохнула Шериада. — И что, у тебя... вчера... был... эм... первый раз? Колдовство, я имею в виду. Вещи рядом с тобой раньше никогда не взрывались? Или хотя бы не бились?

Я медленно покачал головой, пытаюсь взять себя в руки. Мне надоела эта игра. И я все меньше считал нужным сдерживаться. Да, она принцесса. Да, я всего лишь спутник. Но не ручная собачка, перед которой можно забыть о приличиях. А она — не моя госпожа и не имеет права надо мной так издеваться! Ну какая еще магия! Мы же цивилизованные люди, а не варвары с Большой Земли с их кровавыми обрядами.

Рай наблюдал за мной и наверняка все понял. Он снова попытался вмешаться:

— Ваше Высочество, рядом со мной тоже тарелки иногда бьются...

Шериада покачала головой:

— Ты не маг. А он — да. Странно, право же. Ты наверняка очень хорош в щитах, Элвин, если до двадцати умудрился жить, словно...

Больше у меня не было сил. Я вскочил, оттолкнув столик, и он со скрипом отлетел к дверям.

— Ваше Высочество, что вам от меня нужно?

Она удивленно посмотрела в ответ:

— Учить тебя, разумеется. Что же еще?

— Учи... — Я сжал кулаки. Рай тоже вскочил, попытался усадить меня обратно, даже начал что-то говорить, но я отмахнулся и перебил: — Вы не можете, вы не смеее так делать! Даже для принцесс существуют правила, так играйте по ним! — Я почти кричал: — Вам нужно мое время — отлично, идите и договоритесь с госпожой! Не нужно приходить сюда, словно я ваш приятель! Я вам не ровня и хорошо это знаю, не нужно играть со мной и нести этот вздор! Вы не... — Тут Рай все-таки ухитрился зажать мне рот и буквально повалил на кровать.

— Простите, Ваше Высочество, — удерживая меня, попытался улыбнуться он. — Элвин просто...

Шериада подняла руки, словно показывая, что безоружна.

— Я понимаю. Элвин, обещаю, я сейчас же уйду и сделаю все, как ты говоришь, по правилам. Только ответь мне на пару вопросов. И все. Я уйду. Обещаю.

Рай отпустил меня, и я снова поднялся. Мне хватило ума поклониться:

— Да, Ваше Высочество. Простите. Раймонд прав: это лишь изумление и радость от ваше...

— Кто такие спутники? — перебила принцесса. Наверное, у нас обоих одинаково вытянулись лица, потому что она пустилась в объяснения: — Я здесь недавно, а там, откуда я пришла, спутник — это тот, кто идет с тобой одной дорогой. Здесь это, очевидно, что-то иное. Я действительно не понимаю. Объясните.

Объяснял, конечно же, Рай. Я в это время пытался прийти в себя. Она что, издевается? Вот так? Унизить меня, как все, прикажи встать на колени... Раздеться, наконец! Но не делай вид, что ничего не понимаешь.

Принцесса тем временем внимательно выслушала.

— Ага, — сказала она, когда Рай договорил. — Я ошибаюсь или все это очень похоже на рабство?

Улыбка Рая дрогнула, но ответил он спокойно:

— Да, Ваше Высочество. Действительно похоже.

— Ага, — повторила Шериада. — Понятно. Следующий вопрос: если ваша работа столь тесно связана с сексом, то... — Она посмотрела на меня, запнулась. Потом вздохнула и все-таки спросила: — Твой первый раз, Элвин... Тоже ничего необычного не было? Полог не загорелся? Ураган не разнес спальню? Что-то в этом роде... нет?

Рай, похоже, изумленно хохотнул:

— Если под ураганом, госпожа, подразумевать...

— Элвин?

— Нет, Ваше Высочество. — Я вздохнул. Мне вдруг стало все равно. Я устал. Если она и правда уйдет, когда все спросит, то, наверное, проще ей ответить — и пусть убирается, откуда явилась.

— А плохо потом было? — зачем-то уточнила она.

Я улыбнулся:

— Все было хорошо, госпожа.

Она тихо вздохнула, и уголки ее губ опустились.

— Ну хоть не погиб, — прошептала она. — Повезло... Наверное. — И громче добавила: — Скажи, срок спутника ведь недолог? Вы можете работать, только пока молоды, правильно? Раз вы говорите, предложение столь велико... То и выбор большой, верно? Зачем держать у себя мужчину, когда можно купить мальчика...

Я перебил:

— Да, госпожа.

Она молча смотрела на нас какое-то время, потом все-таки спросила:

— А потом что?

Я молчал. Ответил Рай — не знаю, как он умудрился сказать это так просто, словно это ничего для нас не значило:

— Бордель, госпожа.

Все спутники считали, что лучше смерть. Я тоже.

Она снова кивнула. Ее взгляд пробежался по комнате — задумчивый, цепкий.

Рай поскорее добавил:

— Ваше Высочество, мы просим прощения: такие вещи не для женских ушей...

Она посмотрела было на него, потом заметила фотографию на моей тумбочке. И опять склонила голову набок, размышляя. Меня бросило в жар — прикажи она раздеться, это не было бы так унижительно. Никто из аристократок не лез ко мне в душу, а тут эта принцесса сидела в *моей* комнате и разглядывала фотографию *моей* семьи. Я не знал, чего хочу больше: выставить ее вон или поскорее убрать фотографию в ящик стола, чтобы она на нее не смотрела. Наверное, сначала второе, потом первое.

Лицо Шериады вдруг посветлело.

— Звучит мерзко, — пропела она. — Но, как я поняла, вы идете на это добровольно. Полагаю, вам хорошо платят?

Рай тоже посмотрел на фотографию и прикусил губу. Спутниками становятся от отчаяния. А потом... Когда от твоего поведения зависит благополучие твоей семьи, ты будешь очень послушным. Стал бы иначе я это терпеть!

— Платят не нам, Ваше Высочество, а нашим семьям, — наконец ответил Рай.

Принцесса выслушала и молча кивнула.

— Последний вопрос. Элвин... в бескорыстную помощь от аристократки ты не согласишься?

Я фыркнул. Не смог сдержаться. Бескорыстная аристократка — это что-то сказочное, да?

Шериада улыбнулась:

— Ясно. Тогда завтра я куплю тебя у графини, и ты переедешь ко мне.

Я снова не сдержал смех.

— Ваше Высочество, госпожа меня не продаст. Вы только зря потратите время. Вы можете меня одолжить, однако...

— О, еще как продаст. — Принцесса встала, и мы, как по команде, поднялись следом. — Куда она денется?

— Например, запросит бешеные деньги. — Аппетиты Лавинии знал весь двор. Меня однажды пыталась купить у нее герцогиня Алден, но тут же передумала, узнав цену.

Шериада улыбнулась:

— А я очень богата. К тому же у вашей графини столько скелетов в шкафу... Человек с такими тайнами пойдет на все, чтобы их не раскрывать, да, Элвин? Что ж, полагаю, на этом мы пока закончили. Я прошу прощения, что испортила вам вечер.

Больше не церемонясь, она отвернулась, прошла к двери. Повозилась какое-то время, пока надевала сапоги. Рай подал ей плащ, и она благодарно улыбнулась.

— Доброй ночи, господа. И, Элвин, пожалуйста, не колдуй пока.

И она растворилась в метели и ночной темноте. Снаружи бился ветер, и Рай, с трудом заперев дверь, пробормотал:

— Она сумасшедшая.

— На всю голову, — отозвался я.

Рай потер лоб:

— Слушай, а кто провел ее через черный вход? И главное, зачем?

Я пожал плечами. Мне было все равно — лишь бы она от меня отстала.

Вечер действительно был безнадежно испорчен. Я вдруг понял, что бывают вещи «поинтереснее» графини с ее причудами. Стать игрушкой в руках сумасшедшей, например, — к тому же принцессы, а значит, стоящей выше закона. И почему мне так не везет?

Оставалось надеяться, что Лавиния не захочет со мной расставаться. Право же, откуда у Шериады столько денег? Большинство спутников стоили дешевле меня. Должен же у нее проснуться разум?

Точно проснется, когда она услышит цену. Даже у герцогини проснулся, а ведь как до этого сладко спал!

Я лежал на кровати с закрытыми глазами, думая, что будет с Тиной и мамой, если я умру раньше, чем... Раньше них то есть. В темноте раздавалось чавканье: это Рай без зазрения совести ел торт. Его можно понять: сладкое нам доставалось редко.

— Нет, она, конечно, ку-ку, — сказал он, наевшись. — Но готовит отменно! Зря ты даже не попробовал.

Ага. А вдруг и там наркотик? Раю-то ничего, а я не хочу страдать похмельем вместе с Лавинией.

— Ты действительно веришь, что это она готовила?

— Ну-у-у... Либо у нее прекрасный повар. Эл, не кисни. Ты же знаешь, Лавиния тебя ни за что не отдаст. Расслабься.

Я отвернулся. В такие моменты я особенно ненавижу свою красоту. Вот же «повезло»! Интересно, звезды на мне крест поставили с самого рождения?

Конечно, мне не следовало так думать: эти деньги спасали мою семью. Но если бы не моя внешность...

Рай нарочито громко заскрипел кроватью.

— Эл, заканчивай. Давай спать.

— Спокойной ночи.

— Ты всегда все принимаешь близко к сердцу. Это потому что ты шибко умный. От ума одно горе, мне мать так говорила.

Я усмехнулся. Да, пожалуй. Не маячь два года назад передо мной совсем иное будущее — наверное, теперь было бы легче. К тому же не живи я восемнадцать лет в нормальной семье... Когда тебя любят просто потому, что ты — это ты. Раю было хуже. Он рассказывал это с усмешкой, но я понимал: его отец был жесток. И больше всего Рай боялся за мать: он даже не знал, жива ли она. И был уверен, все его деньги отец пропивает. «Вот бы спился уже и сдох», — говорил он.

В моей семье такое было невыносимо. Меня любили, но все это тоже осталось в той, другой жизни. Никто и никогда не полюбит спутника. Это первое, что вбивают нам в голову после подписания договора. Никто. Никогда.

Как можно полюбить наложника?

— Тебе полегчало? — спросил чуть погодя Рай.

— Да, — соврал я.

— Тогда кончай сопеть.

— Я? Да это ты храпишь! Полночи позавчера спать не давал!

Рай рассмеялся. Мы еще поговорили немного, и сон пришел легко. Пожалуй, с крестом я поторопился. С Раем мне повезло.

На следующее утро Лавиния выползла в столовую в состоянии сонной мухи, накануне искупавшейся в ликере с абсентом. И с ходу напустилась на Рая:

— Я же говорила, мне нужно соблюдать диету! Почему ты за мной не проследил? Ты должен был меня остановить!

Рай покаянно вздохнул, а когда она отвернулась, закатил глаза — мол, тебя остановишь!

Я подал Лавинии травяной настой от похмелья, — повар заранее его приготовил. Графиня скривилась — она всегда жаловалась, что он горький и вечно идет ей не в то горло. Что ж, если горл у нее, как подбородков — пять штук, то неудивительно.

— Противоалкогольная диета, моя милая? — ехидно осведомился граф, выглядывая из-за газеты.

— Ты не понимаешь, — простонала Лавиния и попыталась сфокусировать взгляд на мне: — Элвин, а ты где был?

— Во дворце, госпожа.

— А. Ну да. Точно. Господи, как же голова болит!.. И что ты там делал?

— Лавиния, узнаешь после завтрака, — перебил граф. — Потому что мне это совершенно неинтересно.

Графиня обиженно вздохнула. С похмелья она часто впадала в меланхолию.

— Да? Тебе ничего не интересно! Все, что касается меня, тебе неинтересно! Вот... — Она всхлипнула. — Вот я умру... И...

Тут Рай поскорее сунул ей десерт, как злой собаке — кость. Лавиния и повела себя как та собака — и костью с удовольствием угостилась. А потом продолжила намного спокойнее:

— А ты и не заметишь!

— О, еще как замечу, — пробормотал граф, у которого на лице было написано продолжение этой фразы: «И буду безмерно счастлив».

Лавиния капризно вздохнула и огляделась. Обычно в такие моменты граф поскорее заканчивал завтрак и сбегал в министерство. В этот раз он просто не успел.

— Ваша светлость, — в столовой возник дворецкий. — Лорд Ридан прибыл с визитом.

Граф подскочил: лорд Ридан — директор Королевского банка и министр финансов — был его кумиром. Я не вдавался в подробности, но графа, кажется, восхищала его политика «справедливого сдерживания цен». Сомневаюсь, что, поживи граф среди бедняков, он нашел бы эту политику справедливой. Насколько я знал, работала она только на бумаге. Но о бедных богачи не думали никогда.

— А, это к тебе, — вздохнула Лавиния. — Будь добр, прими его в гостиной. Я не одета.

Графиня и впрямь вышла к завтраку в пеньюаре, не удосужившись переодеться в утреннее платье. Очевидно, собиралась потом вернуться в постель.

— Ваша светлость, — вмешался дворецкий. — Прошу прощения, но лорд Ридан уверяет, что прибыл к вам, миледи.

Граф уронил десертную вилку. Лавиния просто застыла, и невооруженным глазом видно было, как в ее голове роились мысли.

Меня кольнуло неприятное предчувствие. Рай, словно догадавшись, подсел ближе и положил руку на подлокотник моего кресла.

— А... — наконец выдохнула Лавиния. — А...

— Его нельзя заставлять ждать, это второй человек в стране после короля! — зашипел на нее обычно сдержанный граф. — Ты хоть понимаешь, какие деньги сосредоточены в его руках? Бегом переодевайся!

Лавиния, в меру своих сил, действительно побежала.

— Роза! — визжала она на ходу, призывая камеристку. — Роза, немедленно сюда. Сейчас же!

Она унеслась на женскую половину, сопровождаемая суетливыми горничными, а граф повернулся к дворецкому:

— Пригласите лорда Ридана.

Герцог Вальтер Ридан действительно был важным человеком. В свои сорок лет он успел сначала сделать карьеру военного, а после — политика: занимал пост премьер-министра, затем перебрался в Министерство финансов. Его называли королевским казначеем, он входил в Малый совет при Его Величестве, и поговаривали, сам король его побаивается.

Он вошел в столовую залу чеканной походкой военного. Скупой улыбнулся графу (нас, конечно, не заметил) и огляделся.

— Признаться, я надеялся застать вашу супругу, Оливер.

Граф лично отодвинул для него стул.

— Она сейчас спустится. Вы же понимаете — женщины... Поздно встают, долго наряжаются. — Он попытался улыбнуться, но получилась у него лишь страдальческая ухмылка.

Герцог хохотнул:

— Не все. Одна такая сегодня вытасила из постели меня, хотя я сам, признаться, люблю рано вставать. Профессиональная привычка, понимаете ли.

Граф закивал:

— Быть может, пока Лавиния готовится, вы скажете, что насчет моего предложения по налоговым льго...

Герцог отмахнулся:

— Не сейчас, Оливер. Право же, я вынужденно работаю сегодня с рассвета, дайте мне хотя бы минуту покоя!.. Это спутники вашей супруги?

Граф, с трудом сдерживая разочарование, покосился на нас.

— Да.

Взяв изящную чашку (лучший фарфор Эштонов), лорд окинул нас изучающим взглядом.

— И кто из вас Элвин, молодые люди?

Я встал и снова поклонился:

— Я, господин.

Герцог поднял брови:

— Хм.

В столовую тем временем вплыла Лавиния. Наверное, она извела камеристку и искупалась в ее крови или сделала что-то в этом роде, но сонной мухи в абсенте как не бывало. В своем лучшем утреннем платье графиня смотрелась свежо и даже очаровательно — как милый розовый поросенок в белом шелке.

— Милорд, — сказала она, протягивая поднявшемуся герцогу руку. — Ваш визит — такая счастливая неожиданность! Ах, как здоровье вашей супруги?

— Прекрасно, — отчеканил лорд, прерывая поток обязательных любезностей. — Леди, простите, но у меня очень мало времени. Если позволите, я хотел бы сразу обсудить с вами один вопрос...

Герцог говорил на удивление прямо, и Лавиния уставилась на него, открыв рот. Аристократы редко переходят к делу сразу: обычно они никуда не торопятся. Во время визита прилично сначала спросить про семью, потом про друзей, после обсудить погоду, сделать комплимент и его обсудить тоже. И только тогда подступиться — очень осторожно — к цели визита, если таковая вообще имеется.

— О, — выдохнула Лавиния. — Да. Конечно. — Она кинула растерянный взгляд на стол. — Я вижу, мой супруг додумался угостить вас чаем. Быть может...

— Леди Лавиния, — перебил герцог. — Я здесь как представитель Королевского банка. Один из наших *очень* крупных вкладчиков явился сегодня в мою спальню... кабинет и потребовал... пожелал разрешить с моей помощью один деликатный вопрос.

При слове «деликатный» усевшаяся было в кресло леди сделала стойку:

— Да-да? Я вся внимание: что же это за вопрос?

Герцог улыбнулся:

— Покупка вашего спутника, миледи.

Лавиния разочарованно вздохнула и аккуратно поставила чашку на блюдо.

— Неужели герцогиня Алден?..

— Нет, миледи. Право, было бы уместно обсудить это в вашем кабинете... То есть, быть может, перейдем в гостиную? Мне нужно показать вам бумаги...

Графиня вздохнула, и упрямство в ее взгляде обнадежило меня.

— Милорд, простите за резкость, но я дорожу моими спутниками и не собираюсь их продавать. Ваше время, как я поняла, дорого. Не тратьте его впустую.

Герцог поджал губы. Уверен, имей он дело с женщиной, в ход бы уже пошли если не угрозы, то крепкие

выражения точно. Лорд Ридан не создавал впечатлени-
е человека сдержанного.

— Миледи, вы недослушали. Мой клиент готов
сделать вам очень выгодное предложение...

Графиня покачала головой:

— Не обсуждается. Простите, милорд. Быть может,
еще чаю?..

Герцог покосился на притихшего графа, но если
Ридан надеялся, что супруг повлияет на Лавинию, его
ждало разочарование.

Графиня налила чай и сладко улыбнулась:

— Погода сегодня как раз для поездки верхом, не
находите, ваша светлость? Я, признаться, неуклюжая
наездница, однако...

Герцог прикрыл на мгновение глаза.

— Миледи, послушайте. Речь идет об очень, очень
больших деньгах. Пожалуйста, выслушайте меня.

Графиня вздохнула:

— Если вы настаиваете. Должна заметить, в сред-
ствах мы не стеснены...

— Лавиния! — все-таки не выдержал граф. Потом
выдавил улыбку — именно так это выглядело со сто-
роны. — Милорд, прошу вас. О каком спутнике идет
речь и кто же этот клиент, которому удалось заручить-
ся вашей поддержкой?

Я уже знал ответ. Но как ей удалось? Да, она прин-
цесса, но она здесь недавно и к тому же все-таки жен-
щина. Та же Элизабет беспрекословно подчиняется
брату и отцу: оба определяют ее содержание. Конеч-
но, так было только в королевской семье, и, например,
Лавиния в своих тратах супругу не отчитывалась. Но
откуда «очень, очень большие» деньги у Шериады?

Тем временем лорд Ридан ответил. Лавиния усмех-
нулась, взглянув на меня:

— Надо же, Элвин. Всего одна ночь во дворце... Тебе у меня так плохо?

Мне даже не пришлось изображать волнение:

— Нет, госпожа, что вы!

Лавиния, естественно, не поверила. Но развивать эту тему не стала — она повернулась к герцогу и твердо сказала:

— Милорд, я вынуждена повторить: вы зря тратите время. Почему бы принцессе самой не нанести мне визит?

— Она собиралась. — Герцог запнулся. — Полагаю, она придет. Но, миледи, вы не узнали сумму. — Он достал из кармана сюртука блокнот, открыл его и протянул графине.

— И все же я не собираюсь... — Лавиния взглянула на блокнот и вытаращила глаза: — Ско-о-олько?

— Видите, миледи, — усмехнулся герцог. — Я говорил, что речь идет об очень больших деньгах.

— Но откуда у нее такая сумма?!

Мне вспомнились слова Шериады: «Я очень богата...»

— Лавиния! — вырвалось у графа. Вопрос действительно был крайне бестактным.

Герцог кивнул:

— Понимаю.

«Самому интересно», — повисло в воздухе.

— Да она разорится! Зачем ей?..

— Графиня, — усмехнулся лорд Ридан. — Поверьте, скорее разорится казна, чем новый родственник Его Величества. Очень советую вам хотя бы подумать, а лучше — согласиться. Принцесса настроена серьезно. Только представьте, на что может пойти человек с такими деньгами, приближенный к королю.

Граф резко выдохнул:

— Милорд, вы угрожаете моей жене?

— Что вы, Оливер. Просто взываю к разуму.

Лавиния нахмурилась и молча покрутила в руках пустую чашку.

— Раймонд, Элвин, оставьте нас.

Конечно, разговор о деньгах и политике не для ушей спутников. Мы с Раем повиновались.

Двор после вчерашней метели уже почистили, тропинки в саду — тоже. Здесь было пусто: клумбы укрыты снегом, статуи убраны в деревянные футляры, на двери сторожки висел замок. Птицы скакали по заиндевевшей дорожке, пока я щипал для них хлеб, — Рай буквально заставил меня сначала заглянуть на кухню и нормально позавтракать.

Кажется, он со мной уже прощался.

Мы молчали. Я сыпал крошки, Рай дул на руки и усмехался чему-то своему.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он наконец. — Если она платит такие деньги, что даже у нашей Лавинии волосы дыбом встали... то она и впрямь настроена серьезно. Не станет же она плохо обращаться с такой дорогой покупкой, сам подумай.

Я вспомнил, как лежал перед письменным столом принцессы, как задыхался от боли. Что значило ее «учить»? Чему, интересно? Как у спутника, ответ у меня, разумеется, был.

Примерно в два часа у парадного подъезда остановилась королевская карета. Слуги высыпали поглазеть на принцессу, в доме поднялась великая суета. Готовили обед на пять перемен — шикарный даже по меркам графини. Все это носили в столовую залу, откуда никто так и не вышел.

Рай сунул мне книгу.

— Да расслабься ты! Как будто первый раз хозяйку меняешь.

Я промолчал. Даже читать не получалось. Она сумасшедшая. Нет, она меня не убьет, но есть вещи хуже смерти. В конце концов, Лавинию я хотя бы успел изучить. А тут — мало того, что эксцентричная, так еще и чужестранка. Она даже говорит с акцентом, как варвары с Большой Земли! Из-за ее голоса я не сразу это заметил, но вчера обратил внимание — наверное, потому что уже привык. Может быть, она и сама жила среди варваров? Ну да, где же еще! Тогда все хуже, чем я думаю. Ничего хорошего в книгах про Большую Землю не писали. Наверняка неспроста. Хоть доля правды в тех текстах, конечно, была.

Впрочем, долго мучиться после приезда принцессы мне не пришлось. Из-за закрытой двери столовой, откуда выгнали даже слуг, теперь то и дело доносился смех. Что веселого им рассказывала Шериада, я понятия не имел, но до ее появления все было тихо.

В три часа дворецкий нашел меня в гостиной — мы с Раем пытались отвлечься, играя в карты. Даже теряясь, я его обыгрывал, на что Рай как всегда обижался. Но сейчас от этого было совсем не весело.

— Элвин, тебе приказано ждать Ее Высочество в карете, — передал дворецкий. Теперь даже он смотрел на меня с интересом. Словно, как и все, не мог понять: из-за чего этот сыр-бор?

Рай проводил меня, восхитился каретой и притворно мне позавидовал. Потом обнял напоследок.

— Зато эта свинья больше не будет топтаться по твоим ногам во время танца, — сказал он.

Я усмехнулся. А Рай добавил:

— Да-а-а, теперь она остается полностью в моем распоряжении. Даже не знаю, что я буду делать с таким огро-о-омным счастьем?

Понятно что: Лавиния купит следующего спутника. Одного для высокородной леди мало. Тем более если ей заплатили «очень большие» деньги.

Еще через полчаса в карету наконец села принцесса. Она улыбалась герцогу и графине, а где-то за их спинами маячил граф. Все пожелали друг другу приятного дня, Шериада помахала ручкой — и карета тронулась.

Принцесса отвернулась от окна и выдохнула облачко пара.

— Боги, ты тут не замерз? Я же просила прогреть карету. Ну что за нерадивые слуги!

У меня давно зуб на зуб не попадал, так что я даже отвечать не стал, только попытался улыбнуться, хотя наверняка получилось жалко.

Шериада сняла меховой плащ и накрыла им меня, как одеялом. Сказать, что я удивился, — значит ничего не сказать. В первую зиму я постоянно ждал госпожу, тогда еще баронессу Литте, в людской. Бывало, по несколько часов: у баронессы тогда другие спутники ходили в любимчиках. В людской не топили, и мерз я отчаянно. Конечно, никому до этого не было дела.

Плащ принцессы был на удивление теплым и тонко пах фиалками.

— Оставь, мне не холодно, — отмахнулась Шериада, когда я попытался возразить. — Тем более сейчас здесь станет жарко.

Обычно после таких слов ждешь... определенного приказа. Но принцесса не торопилась его отдавать. Она сложила ладони — снова в перчатках, — потом раскрыла их и подула.

В карете моментально стало и тепло, и светло — над ладонями Шериады распустился настоящий огненный цветок. Я оторопело смотрел на него, а леди говорила:

— Прости, что задержалась. Хотела забрать тебя еще утром, но этот идиот Вальтер так долго копался! Пришлось самой ехать, он даже женщину уломать не способен. — Неужели она это про лорда Ридана? — Как у него госбюджет не сходится, так и здесь. Зато в вашем агентстве нас точно ждут.

— Агентстве, госпожа?

— Ну да. Спутников. — Принцесса нахмурилась: — Снова забыла название.

Я опешил. Аристократки предпочитали посылать в агентство слуг. Зачем самим утруждаться? К тому же обычно всего-то требовалось отправить карету, чтобы забрать понравившегося юношу из каталога. Но если принцесса уже заплатила за меня, то... Зачем?

Когда я осторожно поинтересовался, Шериада пожала плечами:

— Будем менять условия твоего договора, разумеется.

Я молча уставился на нее. Что могло ей не понравиться в стандартном договоре? Он затрагивал совершенно все, что требовалось дамам, и ни одна из моих хозяек еще не жаловалась.

— Да, они тоже удивились, — бросила принцесса.

В агентстве — старинном особняке, построенном еще до Потопа, — нас и правда ждали. К нам вышла сама владелица, мадам Жирона — я смутно помнил ее по первому интервью. Голос у нее был едва ли не слаще, чем у принцессы, но говорили они мало. Мадам подтвердила, что согласна со всеми условиями Ше-

риады, и с поклоном отдала принцессе документы. На этом все и закончилось, и мы даже на обычный при таких процедурах чай не остались.

Потом карета развернулась — но вовсе не ко дворцу, как я думал, а почему-то направилась к Южным воротам.

Я давно не находил себе места.

— Госпожа, позволено ли мне спросить?

Принцесса в третий, кажется, раз внимательно перечитывала договор.

— Угу.

— Мы собираемся нанести еще один визит?

Она подняла взгляд и нахмурилась:

— Нет. С чего ты взял?

— Мне показалось, мы едем не во дворец...

— А! — Она рассмеялась, все так же очаровательно. — Нет, я не живу во дворце. Я обнаружила, что могу выносить своих родственников очень недолго. Мое поместье за городом. Не волнуйся, если пожелаешь приехать в столицу, в твоём распоряжении будет карета.

— Да, миледи. — Я не понял, почему она говорила так, будто я поеду в столицу без нее. Хотя... Она может отправить меня во дворец с поручением, например. Одолжить той же Элизабет. По-родственному.

— У тебя наверняка много вопросов. — Принцесса протянула мне договор. — Я рада буду на них ответить, но сначала прочти.

Я не ожидал, что она мне его покажет. Что ж, раз это игра... Но договор точно был правильный: на нем стояли подписи и королевская печать.

Я сразу заглянул в раздел «Размер и порядок оплаты». Цифра, которая там стояла, в десять раз превышала сумму, каждый месяц уходившую моей семье ранее.

У меня задрожали руки. Я лихорадочно читал, ища подвох, а Шериада скучающе смотрела в окно. Мы недавно проехали Южные ворота.

— Госпожа... Простите, я не понимаю.

Она перевела взгляд на меня:

— Что именно?

— Здесь написано, что с агентством я больше не связан...

Она кивнула.

— И... указаны две суммы. Одна из них уходит моей семье, другая... передается мне?

— Лично в руки или на счет в Королевском банке, если ты захочешь его открыть, — кивнула Шериада.

Это означало, что я снова считался юридически самостоятельным лицом. Спутник не может открыть счет или отвечать за себя в суде: для закона мы не существуем. Я подумал сначала, что она шутит, но в документе действительно было написано ясно — и он очень напоминал обычный договор найма.

А суммы были... громадные.

Я запнулся, и принцесса зачем-то добавила:

— Там еще сказано про бонус, то есть премию... Или как у вас называется прибавка к зарплате? Будешь хорошо учиться — заплачу больше. Ты увидишь, я не скупая.

— Чему учиться, госпожа?

Она улыбнулась:

— Если я скажу: «Магии», ты же мне в лицо расмеешься, да?

Точно нет — я же не идиот. Но раз снова всплыла магия... Понял, играем.

— Ничего страшного не будет, Элвин, — добавила Шериада. — Сейчас мы приедем, я покажу тебе мое поместье, выдам стопку книг — правда, увесистую, но

у тебя будет неделя, чтобы их прочесть и ответить на мои вопросы. Вот и все.

Книг? Это что, метафора?

Я снова посмотрел на договор.

— Здесь сказано, что я могу увидаться с моей семьей, госпожа.

— Конечно. Я же сказала. Бери карету, езжай в город. Адрес я тебе дам. — Она смотрела на меня так, словно не понимала, что меня удивляет.

Хватит, думал я. Хватит со мной играть. Надежда меня уже поманила однажды, а потом отвернулась. С тех пор про учебу в колледже я старался не вспоминать. Слишком болезненно.

— Зачем? — выдохнул я. — Зачем вам это? Почему вы просто не купили меня у графини, для чего нужно... это? — Я посмотрел на договор.

Принцесса усмехнулась:

— Элвин... Ты еще увидишь: я не играю по правилам. Я их устанавливаю. А что до этого бумажного пустяка — для меня это инвестиции. Позже, возможно, после окончания обучения, ты их мне вернешь. Или нет; это не имеет значения. Для тебя это важно, для меня — мелочь. Так почему бы и нет?

Я закрыл глаза. Игра, конечно, игра. Поманить самым дорогим — свободой. Купить «очень большими» деньгами. Потом сломать. Я слышал про такое, и я не попадусь.

Шериада ждала. Я с улыбкой отдал ей договор:

— Благодарю, миледи, за вашу заботу. Я с признательностью сделаю для вас все, что вы пожелаете.

Она вздохнула:

— Намучаюсь я с тобой...

«Да уж, или я с тобой», — подумал я. Но этого, конечно, не сказал.

Остаток пути мы молчали.

Глава 3

В а годы службы я ближе, чем хотел, познакомился с аристократами и понял две вещи. Во-первых, они без ума от роскоши. Все, что позволяет подчеркнуть их статус и состояние, они просто обожают. Древняя статуя, по которой плачет столичный музей, будет выставлена у парадного подъезда под дождь и ветер, чтобы показать желающим, что такая «мелочь» хозяину по карману.

Как же меня первое время это злило! Я вспоминал собственную квартирку, в которой нам четверым едва хватало места, смотрел на их шикарные дома, на библиотеки, в которых книги пылились бы десятилетиями, если бы слуги не протирали их каждый день. В те мгновения я понимал реакционеров: это чудовищная несправедливость и привыкнуть к ней невозможно.

Я, конечно, ошибался: ко всему привыкаешь. Спустя год я перестал об этом даже думать. Зачем? Все равно ничего не изменить.

Во-вторых, тех, кто ниже их по положению или по количеству нулей на счету, аристократы в лучшем случае не замечают. Но если заметили — держись, они всласть над тобой поглумятся. Такие, как я, или слуги, или даже разбогатевшие торговцы — о всех нас вытирают ноги и постоянно подчеркивают наше положение по отношению к ним. Теперь мне смешно было думать, что я и сам когда-то мечтал о дружбе с аристократом. Как я был наивен! В колледже меня съели бы с потрохами.

Принцесса Шериада стояла на вершине социальной лестницы, а следовательно, представлялась мне аристократкой до мозга костей. Она сорила деньгами без счета, и я ожидал ослепительной роскоши и столь же впечатляющего высокомерия.

Однако ей, похоже, нравилось играть в фамильярность. «Ты» спутнику еще куда ни шло, но, выходя из кареты и держась за мою руку, она неожиданно попросила:

— Ты не мог бы перестать говорить мне «вы», Элвин? В нуклийском это местоимение используется только во множественном числе, так что я постоянно чувствую, словно случайно наколдовала собственных клонов. Хочется оглянуться и проверить, нет ли позади меня копии. Понимаешь?

Я настолько оторопел, что даже не смог ей ответить.

Впрочем, она не настаивала.

Ее поместье тоже оказалось не таким, как я ожидал. Мне представлялось нечто вроде Королевского дворца — столь же громадное и шикарное. Ухоженный сад с стриженными пирамидками и цилиндрами деревьями, мода на которые не проходила уже второй сезон. И, конечно же, золотые купола на башнях — вернейший способ сказать всем вокруг: «Я очень, очень богата. Склонитесь предо мной».

Но ни куполов, ни фигурного сада я не увидел. Я угадал только размер: поместье было громадным. Неудивительно, что принцессе не нашлось места в столице, с такими-то аппетитами.

Но никакой показной легкости, никаких каменных рюшей, ажурной отделки я сначала не заметил. Наоборот, поместье принцессы встречало гостей не чем-нибудь, а настоящим рвом. Да, как в старинных книгах. Глубокий и достаточно широкий, он был завален снегом, под которым мне чудились по меньшей мере колья, а то и алые глаза какого-нибудь сказочного чудовища.

Весьма гостеприимно!

Далее — ворота. Не кованая решетка с гербом рода, как принято у знатных семей, а нечто странное — то ли слова, то ли знаки, написанные искрящейся в солнечном свете краской на металле, который, на первый взгляд напоминал серебро.

И огромная — в три, а то и четыре человеческих роста — каменная стена, на которой то и дело мелькали те же знаки или письмена, что и на воротах. Признаться, я опешил, а когда мы пересекли откидной мост, голова вдруг взорвалась от боли. Но лишь на мгновение — и она тут же прошла.

— Привыкнешь, — бросила принцесса, заметив, что я взялся за голову. — Защитные чары.

Я промолчал.

Карета проезжала по дубовой аллее, и за деревьями вдалеке я увидел круг из камней — как в сказках, где в таких кругах плясали ведьмы, готовясь наслать на город проклятье.

— Заметил? — Шериада тоже глянула в окно. — Без меня туда не ходи ни в коем случае. Ни ногой. Это природный портал, и защитные чары над ним, конеч-

но же, нестабильны, поэтому я надеюсь на твое благо-
разумие. Слышишь, Элвин? Я запрещаю.

— Да, госпожа, — ответил я.

При этих словах во мне всколыхнулось любопыт-
ство. Это же просто камни! Один барон как-то постро-
ил себе целый сад камней— говорят, была такая тради-
ция в одной из стран до Потопа. Построил и неустанно
им хвастался. И камни-то он заказал с Большой Земли,
и песок непременно морской, и расстояние рассчитали
по какому-то фэншую, что бы это ни значило.

— Унесет — ищи потом по всем Средним мирам. —
Шериада покачала головой: — Пока это для тебя
опасно.

Дорога наконец повернула к особняку, и я не сдер-
жал изумленного вздоха. И было отчето. В популярных
нынче книгах герой попадает в дом с привидениями
и обязательно видит знаки, что это место неблагопо-
лучно. Непривычно яркое алое небо, к примеру, или
молния среди ясного дня, следы волчьих лап, алое пят-
но на пороге, обрывок цепи, кровавый снег. Но на все
это он, естественно, не обращает внимания. Ничего
подобного здесь не было, но поместье выглядело очень
зловеще. Невозможно, но оно казалось живым.

Принцесса, посмотрев на меня, не стала злобно хо-
хотать, как героини тех романов. Она нахмурилась и по-
жала плечами, как бы спрашивая: что такого?

Ее дом поражал отделкой как снаружи, так и — как
я после убедился — внутри. Какая там воздушность,
какая ажурность — он напоминал готический собор из
тех, что строили еще в глубокой древности. Строгая
геометрия, стрельчатый свод, острые шпили, вытяну-
тые окна и двери, яркие витражи... Множество изящ-
ных садовых статуй: сотни людей в странных костюмах
смотрели на меня пустыми глазами, в которых нет-нет

да чудился свет. Каменные животные, которых не существовало в природе, разевали на меня свои пасти. Я невольно отодвинулся подальше от окна, а когда карета остановилась, выходить мне совсем не хотелось.

— Не волнуйся, это всего лишь дом, а ты — мой гость. Он тебя не укусит, — улыбнулась принцесса.

Я опомнился. Следовало выйти первым и подать госпоже руку. К тому же кто я такой, чтобы жаловаться? Есть вещи и похуже пугающих статуй. Бывают, например, комнаты развлечений, а у некоторых — вроде той же герцогини Алден — и целые подземелья с шестью, наручниками, крестовинами и всем, что может понадобиться тем, кому одной страсти уже мало.

Однако я вздрогнул, когда, ведя принцессу к парадному крыльцу, заметил лакея, появившегося прямо из воздуха, и конюха, глаза которого были совсем черными.

Наверное, я слишком сильно сжал руку Шериады, потому что она вздохнула и сказала:

— Знаю, стоило привезти тебя во дворец и оставить в моих апартаментах: там все, как у всех, вопиюще обычно. Но, во-первых, объяснить моей семейке, что ты мне очень дорог, я бы вряд ли смогла, не прибегая к внушению, чего мне бы, естественно, не хотелось. А во-вторых, чем раньше начнешь... Да?

Она как будто извинялась, что было еще немыслимее ее просьбы говорить «ты» в ее адрес. Я сжал кулак правой свободной руки так, что ногти впились в кожу.

«Очнись, — думал я. — Что ты остолбенел, как будто первый раз поместье аристократа увидел! Работай. Ты здесь для этого».

— Однако, — продолжала принцесса, — я привезла для тебя слуг-людей. Чтобы тебе не было одиноко. Или скучно...

Для меня? Мы уже входили в ярко освещенный холл. Разноцветные отсветы витражей причудливой мозаикой падали на стены, пол и фигуры замерших в поклоне слуг. Они полукругом выстроились у мраморной лестницы, как и предписывала традиция. Однако обычно так хозяина встречали после долгого отсутствия. Разве принцесса куда-то уезжала?

Слуг было много — с полсотни. Для крупного поместья, наверное, в самый раз.

Принцесса остановилась, и я невольно уставился на дворецкого — он стоял ближе всех к нам и, конечно, был единственным, кто носил не серую ливрею, приличную всем слугам мужского пола, а сюртук. Экономка рядом с ним — дама средних лет со строгим лицом и пучком совершенно седых волос на затылке — присела в реверансе. На ней было черное платье — королевский цвет, к тому же мужской. Я с трудом сдержал вздох удивления.

А стоило бы ожидать: какая госпожа, такие и слуги.

— Алекс, — представила дворецкого принцесса. Сама, что тоже было не по правилам. — И Ирэн. Элвин, пожалуйста, обращай к ним, если тебе что-то понадобится.

— Да, — выдавил я.

— Господин, — хором откликнулись дворецкий и экономка.

Наверное, лицо у меня стало очень забавным, потому что принцесса не смогла сдержать улыбку.

Я заставил себя вспомнить, что все это — просто игра богатой чудачки. Держать это в голове становилось все сложнее: уж больно хорошо принцесса знала свою роль.

— И твой камердинер. Ори. — Шериада указала на юношу, моего ровесника. Он, естественно, был в се-

ром, как и положено лакею. И рыжим, как делегация варваров с Большой Земли, а его лицо так обильно усыпали веснушки, словно он забыл с утра умыться. Но он поклонился вполне прилично, а его улыбка болезненно напомнила мне о Рае.

— Камердинер, госпожа? — Я не сдержал удивления: — Мой?

Никаких слуг у спутников, конечно, никогда не было. Да любой камердинер был выше меня по статусу!

— Конечно, — кивнула Шериада. Для нее это как будто было в порядке вещей. — Что ж, с остальными ты познакомишься позже. — Она оглядела слуг, улыбнулась и сказала что-то, как мне показалось, на чужом языке.

Они дружно поклонились и хором ответили ей на том же языке. Все-таки варвары...

— Идем, — кивнула мне принцесса, направляясь к лестнице. — Жилые комнаты на втором этаже, но это ты и так знаешь, потому что у вас так же. На третий этаж, пожалуйста, не ходи: он весь мой. — Она указала наверх, где покрытые ковром ступеньки терялись в темноте. — Там моя спальня и ведьмина кухня. В кухню ты и так не зайдешь: дверь не откроется. А вот защита спальни иногда не срабатывает, так что... Просто поверь, на каждом шагу там ловушки. Ты же не хочешь остаться без руки, например? Нестрашно, конечно, ведь ее всегда можно исцелить, но процесс, поверь, неприятный... А вот второй этаж весь в твоём распоряжении. Это твоя комната.

Она толкнула первую же дверь в показавшемся мне бесконечным коридоре. Я присмотрелся — на двери были изображены те же знаки, что и на воротах. Они сверкнули, когда я переступил порог.

— Защита, — объяснила Шериада. — Круг рядом, а значит, в доме теоретически может появиться кто угодно. Риск, на который мы все идем. — Она вздохнула. Мне уже сейчас казалось, что она говорит на варварском языке, потому что я ровным счетом ничего не понимал. Однако я не перебивал. — Демонолог, да еще и с таким уровнем силы, как у тебя, — продолжала принцесса, — желанная добыча для любого мага что в Лионе, что в Нуклии... Тем более в Нуклии. Мне безумно повезло, что ты так хорош в щитах и Руадан все это время тебя не замечал. Поверь, хозяин он не очень. Я лучше. Я, по крайней мере, человек. — Говоря это, она прошла по комнате, осмотрела ее, почему-то уделив особенное внимание ковру у кровати и подоконнику. К последнему она даже наклонилась и принялась.

Ровно ничего примечательного там не было. В комнате стояла огромная кровать, что не слишком бы меня удивило, окажись это комната самой принцессы. А может, так и было на самом деле, просто Шериада решила надо мной подшутить? Я так вначале и подумал.

Туалетный столик здесь тоже был, но совсем не подходящий для женщины. Никаких флаконов на виду не было. Может, они в ящиках?

И, конечно, имелся шкаф. Внушительный, в него бы наверняка поместился даже гардероб принцессы. Две двери располагались по его бокам, на них тоже были знаки — как и на стенах, полу и даже изголовье кровати. У меня мелькнула на мгновение мысль, что я попал в сказочный дом с привидениями, но, конечно же, этого не могло быть. Я ведь не ребенок — верить в такие вещи.

А еще — как же здесь было роскошно! Нет, полудрагоценные камни в столбиках кровати не мерцали,

как в спальне моей первой госпожи, но у той даже ночной горшок был золотым. Ничего подобного: эта роскошь не бросалась в глаза. Однако она выглядывала из каждого угла, ощущалась в любой мелочи.

Кровать была застелена льняным постельным бельем. Льняным! Господи, какое расточительство! Как дорог лен, знал каждый аристократ. Такой постельный набор мог себе позволить разве что король.

Вышитый серебряной нитью полог был шелковым, и он переливался на солнце очень знакомо, демонстрируя качество ткани. Такой шелк был ценен — страшно сказать, сколько просили за метр этой ткани. Лавиния вечно жаловалась портнихе, что совести у торговцев нет. А здесь — полог. Ну не сумасбродство ли?

К тому же все вокруг было отделано деревом — и это на нашем Острове, где лес вырубил еще до Потопа, а новый так и не вырос. Паркет из молочного дуба, и из него же — резные стенные панели, столбики кровати и шкаф. Благодаря этому теплomu, мягкому цвету комната как будто сияла.

— Тебе нравится? — Принцесса отвлеклась от подоконника и посмотрела на меня.

Я поймал ее взгляд и улыбнулся — скромно и обещающе, как спутнику и пристало. В первые дни я долго тренировал эту улыбку. И этот взгляд. Лучше всего получалось, если повторять про себя: «Ты моя. Я нужен тебе. Ты меня любишь».

Этот фокус удавался мне всегда. Я смотрел и ждал, что принцесса тоже улыбнется, подойдет ближе, потом остановится и... Нет, эта не остановится. Эта поцелует сама, а после... Все будет как обычно. Я даже хотел этого — чего-то привычного во всем этом... хаосе.

Шериада действительно улыбнулась — но изумленно, словно не восхищалась мной, а глазам не верила.

А потом, отвернувшись, рассмеялась, как будто я сказал ей очень смешную шутку.

Вздвогнув, я отвел взгляд.

— Э-э-элвин, — протянула принцесса. — Боги и бездна! Не старайся, на мне твои чары не сработают. Я все-таки... Ну... — Она снова залилась искристым волшебным смехом. Потом обернулась, сама поймала мой взгляд и успокоилась. — Ну же, я не хотела тебя обидеть. Но это и правда смешно. Если тебе что-то нужно, просто скажи, ладно? Вдобавок ты уже мне очень важен. Зачем меня чаровать? — Она покачала головой. — Однако должна заметить: прекрасное исполнение. Для человека, который в магию даже не верит... Bravo.

— Благодарю, госпожа, — выдавил я. Нужно было что-то сделать, а я стоял как идиот.

Она прошла мимо меня к двери.

— Идем, я покажу тебе библиотеку.

Дверь слева в середине коридора украшал вырезанный на деревянной панели кот с внимательными зелеными глазами. Уверен, он смотрел на меня, когда мы подошли, а коридор перед нами вытянулся. Впереди зажглись светильники в разъявленных стеклянных клювах птиц. Наверняка поместье принцессы было наполнено такими иллюзиями. Что ж, кто чем увлекается. Некоторые придворные — золотом. Шериада же, очевидно, жить не могла без своей таинственности.

Ее библиотека поразила меня даже больше роскошной спальни. Помните, я хвалил королевскую библиотеку во дворце? Забудьте. Принцесса или была из тех, кто кичится книгами, как золотыми ночными горшками, или тоже обожала чтение — и я надеялся на второе. Хоть одна общая тема у нас будет. Если она когда-нибудь перестанет говорить про эту свою магию.

Стеллажи тянулись от порога, и их ряды казались бесконечными. Здесь тоже имелись лестницы и десятки уютных ниш с диванами, креслами, пуфами... Всем, что в голову взбредет. Были даже качели — помню, уставился на них как дурак. Качели в библиотеке — это ж додуматься надо! Рядом стояла стеклянная витрина с напитками и десертом. Неподалеку я заметил роскошный письменный стол-секретер. Рядом — шахматный столик.

— Заниматься можешь здесь. — Принцесса подошла к столу, достала из ящика лист бумаги — очень белой, даже блестящей. Я ожидал увидеть на нем королевский герб, но ничего такого не было. — Держи. Посмотри, поймешь ли ты мой почерк. Признаться, я вчера ночью это писала. Странно, что шоколадом не заляпала... В общем, держи, а я пока соберу тебе книги.

На листе и правда был маленький коричневый отпечаток в правом углу. Почерк у принцессы действительно оказался непростым. Я с трудом разобрал лишь первую строчку: «Почему вода в Алом водопаде красного цвета?», когда слева от меня раздался сначала тихий шелест, потом шуршанье, а после — характерный звук упавшей книги.

— Бездна, — выдохнула принцесса, балансируя на верхней ступеньке лестницы у ближайшего стеллажа. — Элвин, лови ее, а то убежит!

Я осмотрелся.

— Кого, госпожа?

— Да книгу же!

У лестницы действительно лежала книга в черном кожаном переплете. Конечно, никуда она не бежала. Я послушно поднял, а Шериада буквально выдернула ее у меня. И принялась выговаривать — не мне, а книге:

— Ты ж смотри, какая шустрая! Дождешься, прикую к полке. Что, почуяла демонолога и притихла, да? Смотри у меня!

«Ты ведь и так знал, что она чокнутая, — думал я. — Чему ты удивляешься?»

— Ну как, ты разобрал мои вопросы? — позвала принцесса. С лестницей она управлялась лихо — раскачивала ее, как акробат трапецию.

— Все в порядке, госпожа.

— Да? Замечательно. А вот и твои... уф!.. книги.

Она спустилась, и я только сейчас сообразил, что слова о книгах все-таки не были метафорой. В руках у принцессы покачивалась целая башня из десяти увесистых томов — Шериаду за ними даже не было видно.

— Вот, все твое, — довольно сообщила она и положила это богатство на стол рядом со списком. — Итого у тебя неделя. Ты должен все это прочесть и быть готовым ответить на вопросы, которые я написала, — она кивнула на список, а потом улыбнулась: — Я же говорила, ничего страшного.

— Да, госпожа, — пробормотал я, переводя взгляд с нее на книги.

Принцесса улыбнулась и осторожно похлопала меня по плечу:

— Ты справишься. Я в тебя верю. — Потом добавила: — Меня всю неделю не будет. Так что непонятные места отмечай, и потом мы с ними разберемся. Я вернусь ровно через семь дней, час в час, минута в минуту: у меня так портал настроен. — Она помедлила, потом потянулась к моему воротнику. — Как у тебя привязка прошла?

Я замер, и она выудила из-под сорочки подвеску на шнурке — ту самую, из оникса в серебряной оправе.

Я не видел ее с позавчерашней ночи и посчитал сном, но вот она — теплая, мягко мерцает в руке принцессы.

— Отлично, — кивнула Шериада. — Она тебе не мешает?

— Нет, госпожа.

Принцесса осторожно спрятала ее обратно под одежду. Камень должен был холодить кожу, а шнурок тянуть, но ничего подобного я не чувствовал — подвески как будто не было.

Принцесса посмотрела на массивные часы, украшенные крылатым змеем, вырезанным из дерева.

— Если честно, мне пора бежать. У тебя есть вопросы?

Конечно! Миллион.

— Нет, госпожа, — улыбнулся я.

— Ну и прекрасно. Чувствуй себя как дома, располагайся. И учти — я добрая, но если через неделю ты мне на это, — она кивнула на список вопросов, — не ответишь, я буду очень, очень злая. — Принцесса усмехнулась, и так жутко это у нее получилось, что я снова вздрогнул. — Поверь, ты не хочешь меня злить. Что ж, удачи.

Сказав это, она развернулась и стремительно направилась к двери. Ее легкие шаги очень скоро стихли в коридоре, а я остался стоять как дурак, не понимая, что это было, и главное — что теперь делать?

Часы пробили пять вечера. За окном загорелся алый закат, тот самый предвестник бед.

Я разложил книги на столе. Касаться их было страшно: один такой том наверняка стоит больше, чем мой годовой гонорар. Кожаные обложки, серебряное тиснение, гладкие страницы из плотной белой бумаги... География Нуклия, история Нуклия, флора и фауна, фольклор, мифология, искусство, традиции и обы-

чай — все, естественно, Нуклия. Последняя книга была поменьше и называлась довольно странно: «Магия и этикет». Я подозревал, что тоже Нуклия, чем бы это ни было.

Наверное, какая-то страна на Большой Земле, куда принцесса захочет меня увезти?

От этой мысли я похолодел. Уехать к варварам? Нет. Ни за что, ни за какие деньги.

Но моя семья все еще зависит от меня. По договору принцесса обещала платить мне раз в неделю и даже обмолвилась о повышении суммы. Что ж, этого хватит на то, чтобы скопить приличный капитал, если все сложится хорошо.

Господи, о чем я думаю! Дня не прошло, как я сменил хозяйку, а меня уже посещают мысли о побеге. Как будто мне не объяснили в первый год, что будет, когда меня поймают. Да, не «если», а «когда».

Подожди, успокаивал я себя. Потерпи, осмотришь. Может быть, еще не все так плохо. Нужно расположить госпожу к себе. Других спутников у нее нет, значит мои шансы в разы увеличиваются. Она сказала, что уедет, но я не слышал кареты, а окна библиотеки выходили как раз на парадный подъезд. Значит, это тоже была часть игры. Возможно, ей нравится наблюдать? Я слышал о таком — так почему бы и нет?

Что ж... Нужно выяснить, где моя настоящая комната. Затем...

Дверь в библиотеку снова открылась, и я резко обернулся, чуть не уронив со стола книгу по этикету.

— Господин, — поклонился тот рыжий юноша, которого Шериада назвала моим камердинером. Беднягу наверняка перекосило: служить спутнику — это же надо так упасть. Поймав мой взгляд, юноша запнулся. — Прикажешь... Прикажете подать ужин сюда?

Я сжал кулаки за спиной. Конечно, слуги приняли правила госпожи — как же иначе? Представляю, как они будут надо мной смеяться, когда игра закончится.

— Быть может, вы просто покажете мне, где здесь кухня? — попытался спасти положение я.

Юноша — Ори, кажется? — выпрямился и изумленно посмотрел на меня:

— Ты... Простите, вы хотите ужинать на кухне? Мы можем накрыть в столовой зале.

В его голосе мне послышался намек, и я вздохнул:

— Накройте там же, где собирается ужинать госпожа, пожалуйста.

— Но, господин, миледи уехала. Она вернется не ранее чем через семь дней.

— Уехала? — Я невольно оглянулся на окно. — Но я не слышал кареты.

Ори улыбнулся:

— Миледи редко путешествует в карете. Зачем карета волшебнице, господин, когда есть портал?

Я чуть не спросил, что он имеет в виду. Но нужно было поддерживать условия игры, а значит...

— Накройте, пожалуйста, в столовой.

Ори снова поклонился.

— И покажите мою комнату, — добавил я.

— Конечно, господин. Идемте.

Нет, конечно, все не кончилось так просто. Ори привел меня в ту же спальню, которую показывала принцесса. Разумеется. Чего я ожидал?

— Желаете принять ванну или переодеться перед ужином, господин?

Я невольно вздохнул. Когда Шериада ушла — а вместе с ней и большая доля моего напряжения, — я почувствовал, что смертельно голоден.

— Нет, после.

Ори снова поклонился:

— Как пожелаете. Показать вам столовую, господин?

— Да, пожалуйста.

Аристократы любили выставлять в гостиных и столовых залах золотые или хотя бы серебряные сервизы — в стеклянных шкафах, чтобы все блестело, сверкало... И пугало таких, как я. Не дай бог споткнешься с подносом — и еду угробишь, и это богатство разобьешь. А оно почти наверняка стоит больше, чем я сам.

В столовой принцессы стоял только массивный круглый стол, тоже из дуба. И, конечно, кресла — четыре, с подушками на сиденьях и мягкими кожаными спинками. Никаких витрин, никакой посуды — зато огромные панорамные окна, в которые как на ладони был виден сад внизу. Отнюдь не фигурный, как сейчас модно, — он казался вовсе заброшенным. Я подумал, что непременно заблужусь в нем, стоит свернуть с главной аллеи. Принцессе в пору было ставить на тропинках указатели... Интересно, бывают ли у нее гости? И что она делает с теми, кто заблудился? Я вполне мог представить, как хрупкой изящной Шериаде предупредительные слуги подают из бедняг пирог. И она с улыбкой его ест.

Аппетит от таких мыслей, однако, не исчез — скорее, усилился. Особенно когда лакеи расставили блюда на столе. Как оказалось, все это были закуски: сыры, колбасы, чесночные хлебцы, рулетики из овощей, грибы... А меня ждал обед из пяти блюд — тот самый, который в доме графа Эштона посчитали бы праздничным.

После рыбного супа и запеченной утки со сливами я сдался. Мне все еще хотелось есть; я всегда чувствовал себя голодным, но давно привык. Если хочу

остаться красивым, нужно следить за фигурой хотя бы так.

Я отодвинул тарелку и посмотрел на изумленного Ори:

— Довольно.

— Господин! Вам не нравится мясной паштет? Возможно, рисовый пудинг больше придется вам по вкусу?

Я понятия не имел, что такое рис, и замешкался с ответом. Ори успел подать знак лакею у дверей, и в считанные мгновения передо мной водрузили тарелки с чем-то, отдаленно напоминающим пирог, политый ягодным соусом.

Я с трудом отвел от него взгляд и повторил:

— Хватит.

— Но, господин, разве волшебники не должны много есть? — вежливо возразил Ори. И принялся уговаривать меня, как ребенка: — Попробуйте, возможно, вас удивляет незнакомое блюдо, но в Нуклии оно считается традиционным... — Снова этот Нуклий! — И госпожа его очень любит, — добавил Ори, чем ему и удалось меня убедить. Спутников учат любить все, что предпочитают их госпожи. Так легче понравиться.

Пожалуй, впервые за два года я был сыт. И чувствовал невероятную вину: я не должен был так объедаться. Завтра придется остаться без завтрака. Кем я буду, если перестану следить за собой? Особенно сейчас, когда госпожа так щедра.

Ори, похоже, сообразил, как на меня действует фраза «и вот это госпожа тоже очень любит». Так он убедил меня попробовать горячий шоколад с перцем — согласен, действительно вкусно, — а также ягодное желе и мороженое. И все удивлялся: «Но как же, гос-

подин, волшебники должны плотно питаться. Откуда иначе у вас найдутся силы колдовать?»

А я невольно вспомнил, как жадно поела пирожные принцесса на балу... Словно впервые их увидела — что, конечно же, невозможно. Тем не менее Шериада оставалась стройной, если не сказать — тоненькой, — не то что Лавиния, обладавшая таким же аппетитом.

После обеда меня, сонного от сытости, проводили в якобы мою спальню — комнату с огромной кроватью. Нет, серьезно, я что, идиот и не понимаю, для чего она нужна?

— Ванна, господин? — напомнил Ори.

Я кивнул. Возможно, принцесса брезглива или просто решила дать мне понять, каково это — стать на вечер аристократом. Одна из дверей у шкафа вела в ванную — если так можно назвать залу с утопленными в полу пятью бассейнами. В углу по стене водопадом стекала вода и исчезала где-то в шлюзе. Я сначала решил, что это для красоты, но потом заметил рядом мягкий табурет, серебряный ковшик и с десятков флаконов на стеклянной полке. Но зачем тогда бассейны?

Ори попытался помочь мне раздеться. Я отшатнулся, чем, похоже, изрядно его развеселил. Но Ори был воспитанным варваром (какой оксюморон!) и позволил себе только улыбку.

— Господин, если пожелаете, я пока приготовлю вам одежду для сна.

— Да, — выдохнул я.

Он кивнул на шнур звонка в углу:

— Если я понадобится, позовите меня, и я приду. И... господин, мне кажется, вы удивлены. Возможно, у вас ванну принимают иначе. Вам нужно сначала ополоснуться, — он кивнул на водопад, — а потом наслаждаться целебной водой: в каждом бассейне она

разная. Здесь минеральная, — показал он на ближайший. — Там серная; запах сложно перебить, поэтому в нем цветы лаванды. Этот с железом. Не удивляйтесь, вода в нем рыжеватая. Вон тот, с пузырьками газа, хорош для массажа. А дальний — с кофе. Госпожа его очень любит, — закончил он волшебной фразой. И, поклонившись, наконец оставил меня одного.

Ванна с кофе! С кофе, разрази меня гром!

Она такая же, как все — кичится роскошью.

Но я должен изучить ее привычки, и лучше делать это одному, чем с ней, когда придется скрывать удивление и изображать удовольствие.

Однако... неплохо эти варвары устроились! У нас водопровод провели только в столицу, и то для Лавинии время от времени ванну слуги наполняют ведрами, потому что трубы вечно прорывает. А здесь глядите-ка — целая баня, да еще и с разной водой. Между прочим, откуда?

Через полчаса я обнаружил, что мне нравится серный бассейн, пусть вода в нем и кажется белой от взвеси, как молоко. С кофе тоже хорошо, но я все никак не мог отделаться от мысли, что это безумное расточительство.

Однако приятное, этого не отнять.

Спустя некоторое время в купальню заглянул Ори: — Я принес халат, господин. Простите, мне следовало приготовить его заранее.

«Не привыкай, — напомнил я себе. — Ты все еще просто спутник».

Халат был теплым и темно-синим, как и ночной костюм, — конечно, варварский. Мы спим в сорочках. Но я молча посмотрел на него — к этому мне тоже нужно привыкнуть. Мне жить здесь, по крайней мере, неделю.

В спальне уже горел камин — странно, почему я не заметил его раньше? Из-за рамы, наверное. Сейчас ее отодвинули, и пламя весело плясало, облизывая чугунную решетку.

— Ваши волосы, господин. Их нужно расчесать. Вы позволите? — напомнил о себе Ори.

Он усадил меня за туалетный столик и принялся открывать ящики, наверняка специально показывая, где что лежит. Там был целый набор заколок для галстука: золотых и серебряных. А также запонки. И десятки перстней. Их роскошь ослепляла. Но и это еще не все: в специальном шкафчике нашлись цепи. Они казались толще женских, были изящно украшены драгоценными камнями, и я так оторопело уставился на них, что Ори счел нужным объяснить:

— Господин, в Нуклии маги это носят.

Может, я что-то не понимаю?

— Маги — это же волшебники, да, Ори? — Я расслабился после купания, иначе не решился бы спросить. — Шаманы?

— Шаманы, господин? — Ори осторожно водил щеткой по моим влажным волосам. — Простите, но мне не известно, что это такое. Волшебники творят магию. Эм... Чудеса?

Значит, шаманы. Если хоть половина историй про них правда — чудеса входят в их специализацию.

— Как госпожа, — добавил Ори.

Я озадаченно посмотрел на него через зеркало. Принцесса была похожа на кого угодно, но не на шаманку. Хотя я мог представить, как она отплясывает нагая в круге камней в полнолуние... Нет, пожалуй, это слишком. Она — племянница короля, и ее манеры пусть и экстравагантны, но для ее высокого положения безупречны. Нет, здесь что-то другое.

